

ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ СИСТЕМ УПРАВЛЕНИЯ И
РАДИОЭЛЕКТРОНИКИ

Гуманитарный факультет

Кафедра философии и социологии

ФИЛОСОФИЯ

Методические рекомендации для самостоятельной подготовки студентов

Составитель: старший преподаватель Корнющенко-Ермолаева Н.С.

Томск
2016

Содержание:

Тема 1. Философия в системе современной культуры	3
Задание 1. Текст	3
Задание 2. Текст	6
Задание 3. Контрольный тест	11
Задание 4. Олимпиадное творческое задание	13
Тема 2. Философия Древнего востока	13
Задание 1. Текст	13
Задание 2. Контрольный текст	16
Задание 3. Олимпиадное творческое задание	18
Тема 3. Античная философия	18
Задание 1. Текст	18
Задание 2. Контрольный тест	20
Задание 3. Олимпиадное творческое задание	23
Тема 4. Средневековая философия	23
Задание 1. Текст 1	23
Задание 2. Текст 2	25
Задание 3. Контрольный тест	26
Задание 4. Олимпиадное творческое задание	29
Тема 5. Философия эпохи Возрождения. Возрожденческий гуманизм	30
Задание 1. Текст	30
Задание 2. Контрольный тест	32
Задание 3. Олимпиадное творческое задание	35
Тема 6. Философия Нового времени	35
Задание 1. Текст	35
Задание 2. Контрольный тест	37
Задание 3. Олимпиадное творческое задание	39
Тема 7. Немецкая классическая философия	40
Задание 1. Текст	40
Задание 2. Контрольный тест	44
Задание 3. Олимпиадное творческое задание	46
Тема 8. Современная западная философия	47
Задание 1. Текст	47
Задание 2. Контрольный тест	56
Задание 3. Олимпиадное творческое задание	58
Тема 9. Русская философия	58
Задание 1. Текст	58
Задание 2. Контрольный тест	69
Задание 3. Олимпиадное творческое задание	74

Тема 1. Философия в системе современной культуры

ТЕКСТЫ ДЛЯ САМОСТОЯТЕЛЬНОГО ЧТЕНИЯ

Задание 1. Прочитайте отрывок из книги Н. Хамитова «Философия человека: от метафизики к метаантропологии»

Назі́п Виле́нович Ха́мітов — украинский философ, писатель, психоаналитик.

Окончил философский факультет Киевского университета им. Тараса Шевченко (1985). Доктор философских наук (1998), профессор (2007), ведущий научный сотрудник отдела философской антропологии Института философии им. Григория Сковороды Национальной академии наук Украины. Автор нового направления в современной философской антропологии, получившего название метаантропология. Работает также в жанрах философского эссе, романа и афрризмов. Основатель и президент Ассоциации философского искусства. Автор и ведущий еженедельной программы «Философские диалоги», Радио-Эра FM (с 2002).

Вопросы к тексту:

1. Какими специфическими чертами обладает обыденное мировоззрение?
2. Подумайте о своем окружении. Кого из известных Вам людей Вы бы назвали личностью. Обоснуйте ответ (т.е. приведите аргументы, почему этот человек личность).
3. Что такое личностное мировоззрение и при каких условиях оно может стать философским?
4. Как Вы понимаете утверждение Хамитова о том, что «всякое философское мировоззрение является личностным, но не всякое личностное является философским»?

Как определить философию?

§1 Предварительное замечание

Для ответа на вопрос, *какой должна быть философия человека*, необходимо найти ответ на более общий вопрос — о сущности философии как таковой.

Итак, что такое философия? На первый взгляд кажется, что этимология слова, означающего на древнегреческом *«любовь к мудрости»*, проясняет для нас достаточно мало, ибо толкование и любви, и мудрости в современном мире излишне противоречиво и субъективно.

И все же словосочетание *«любовь к мудрости»* говорит о многом. Оно говорит о том, *как философия относится к человеку, миру, самой себе и что является результатом этого отношения*. Два слова — *«любовь»* и *«мудрость»*, — соединившись в одном, прошли сквозь тысячелетия. В них — вызов всему холодному, равнодушному и бессмысленному в бытии человека и мира. Они вносят в нашу жизнь *глубину*.

Последние двести лет философию часто называют наукой. О философских системах говорят как о теориях и концепциях. Может быть, и нам стоит остановиться на слове *«наука»*, назвав философию наукой о всеобщих законах или основаниях бытия?

Но только ли с наукой связана философия? Вполне очевидна ее глубинная взаимосвязь с религией, искусством, моралью... Вряд ли все эти сферы можно свести к обыденному постижению реальности, над которым возвышается теоретическое познание. К тому же история философии рядом с именами таких теоретиков, как Аристотель и Гегель, *поставила художников философского слова* — Платона и Ницше, Бердяева и Камю...

Поэтому определение философии как науки не представляется корректным. Или точнее: философия включает в себя теоретическое начало, то есть нечто весьма более широкое.

Как же найти то ключевое понятие, благодаря которому мы могли бы развернуть определение философии?

Целый ряд мыслителей определяют философию через понятие мировоззрения. Насколько это уместно? Попробуем ответить на этот вопрос.

1. ОБЫДЕННОЕ, ЛИЧНОСТНОЕ И ФИЛОСОФСКОЕ МИРОВОЗЗРЕНИЕ

§2 Понятие мировоззрения

Под мировоззрением обычно понимают систему наиболее глобальных ценностей, воззрений, целей и идеалов человека. Мировоззрение - это способ взаимодействия с миром, *способ открытости миру*.

Мировоззрение — это попытка осмыслить себя и свое место в реальности. Поэтому мировоззрение *всегда есть самопознание*.

Каждый ли человек обладает мировоззрением? Да, поскольку он является человеком. Однако самоочевидно и то, что мировоззрение в мире людей весьма неоднородно. Прежде всего, напрашивается мысль о разделении мировоззрения на *обыденное* и необыденно-творческое, *личностное*.

§3 Что такое обыденное мировоззрение?

Не будет открытием заявить о том, что **большинство людей несвободно в выборе мировоззрения**. Они абсолютно зависимы от господствующих в социуме идеологий. Так, в обществе с атеистической идеологией значительная часть его членов становится атеистами, в обществе же, исповедующем религиозные принципы, большинство людей — верующие. *Обыденное мировоззрение есть прежде всего результат воздействия семьи и той социальной среды, в которую человек включен в детские и подростковые годы жизни*.

Обыденное мировоззрение является совокупностью социальных стереотипов своего времени. В наибольшей степени его можно соотнести с понятием «здравого смысла».

Главной чертой обыденного мировоззрения является **его несамостоятельность**. Человек — носитель обыденного мировоззрения — находится под влиянием **массы** людей. И это влияние сопровождает его всю жизнь, проникая в глубины бессознательного. Большинство социальных атомов подчиняет себе один из них — вплоть до потери персональности.

Второй чертой обыденного мировоззрения есть его **некритический характер**. Обладатель обыденного мировоззрения всегда принимает на веру все исходящее из значимой для него социальной среды.

Третья особенность состоит в том, что обыденное мировоззрение **не является творческим** и не обладает способностью к саморазвитию. Это приводит к его бессистемности, делая хаосом из постоянно меняющихся и часто несогласующихся целей и установок.

Может показаться, что обыденное мировоззрение **создается не личностью, а массой**, совокупными усилиями всей социальной среды, живущей в определенных экономических и культурных условиях. Однако это лишь отчасти так. В социальной среде действительно шлифуются мировоззренческие принципы, но они приходят в нее извне и являются результатом *персональных усилий*. Здесь уместна такая аналогия: море как некая достаточно активная среда шлифует гальку, но сами камешки не производятся морем.

Идеи, принципы и ценности приходят в социальную среду **из сфер религии и идеологии**, а обе эти сферы в своих истоках всегда лично-лично окрашены. И если религия на сегодняшний день свободно и естественно излучает в социальную среду свои идеи, позволяя сделать *выбор совести*, то идеология (как правило, сфера религиозных представлений, суженная под влиянием воли к власти личности и социального слоя) «давит» на среду, сознательно стремясь внедрить определенную систему идей в массовое сознание для того, чтобы **манипулировать им**.

Другое дело, что религиозное и идеологическое тесно сплетаются в обыденном мировоззрении... *Идеологическое становится религиозным, а религиозное — идеологическим.*

Можно ли освободиться от этого и избежать обезличивающих стереотипов мышления и жизни? Да, если человек стремится развить личностное мировоззрение.

§4 Феномен Личностного мировоззрения

Личностное мировоззрение во всех своих чертах противоположно обыденному.

Во-первых, это мировоззрение **самостоятельное** и **свободное**, являющееся достижением личности, которая преодолевает воздействие среды, довлеющее над нею с детства. Это мировоззрение, освободившееся от того, что Френсис Бэкон называл «идолами рода» и «идолами площади» — общепринятыми заблуждениями эпохи.

Во-вторых, это мировоззрение *самосознающее* и *самопознающее*. Взгляд внутрь себя, пристальное внимание к динамике развития своей личности — его сущностная черта.

В-третьих, личностное мировоззрение есть **критическое** мировоззрение. Ничто не принимается на веру, не пройдя суд собственного разума и переживания.

В-четвертых, личностное мировоззрение есть **творческое** мировоззрение. Оно выступает основанием созидания новых целей, идеалов и ценностей. Именно творческий характер личностного мировоззрения позволяет решать проблему смысла жизни как смысла свободы — свободы **выбора** и свободы **достижения выбранного**. Поиск смысла жизни перестает быть поиском застывшего и вещественного — всего того, что время превращает в прах.

Личностное мировоззрение так или иначе тяготеет к **системности** — **последовательности и цельности**. Но человек, обладающий таким мировоззрением, далеко не всегда способен объединить внутренний мир в такую целостность, где все части необходимо и свободно соединены друг с другом. Личностное мировоззрение поэтому лишь стремится стать **миропониманием** — **философским мировоззрением**.

§5 Философское мировоззрение. Любое ли личностное мировоззрение устремлено к философскому?

Итак, *философское мировоззрение есть ступень зрелости личностного* — это личностное мировоззрение, обретшее системность и внутреннюю целостность.

Всякое философское мировоззрение является личностным, но не всякое личностное — философским.

Любое ли личностное мировоззрение как самостоятельное может рассчитывать на то, что оно устремлено к философскому мировоззрению? Да, если оно стремится обрести системность. Нет, если оно остается *лишь самостоятельным*. Более того, если самостоятельность мышления и бытия не движется к системности, она становится случайным и поверхностным явлением, а потому рано или поздно тонет в стихии социальных стереотипов, утрачивая личностный характер.

Самостоятельность, которая чаще всего обладает *лишь даром критичности*, должна быть дополнена не только самопознанием и творчеством, но и глубинным стремлением к системности — лишь это дает ей возможность обрести устойчивость и жизнь.

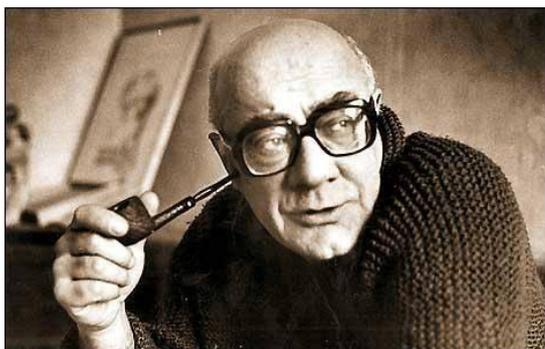
Поэтому расхожее утверждение о том, что каждый сам по себе является философом, весьма далеко от истины. Философское мировоззрение есть сложнейшая и неустанная работа духа, преодолевающего собственную ограниченность.

§6 *Можно ли назвать философом человека с философским мировоззрением?*

Теперь мы подходим к еще одному не менее любопытному вопросу. Исходя из всего сказанного, можно сделать вывод, что **все выдающиеся люди в истории человечества обладали философским мировоззрением**. Именно оно дает человеку возможность сформулировать глобальную цель, осознать ее как сверхценность и устремиться к ней. Религиозное, художественное и научное мировоззрения выдающихся людей выступают метаморфозами философского.

Однако каждый ли человек, развивший философское мировоззрение, становится философом? Да, если он создает **философские тексты***.

Задание 2. Прочитайте лекцию М.К. Мамардашвили и ответьте на вопросы.

Мераб Константинович Мамардашвили (1930-1990) – грузинский и российский философ, сыгравший в 1960 – 1980 гг. большую роль в возрождении философской жизни и философского климата в стране. Мамардашвили мало издавался при жизни, но часто выступал с курсами лекций по актуальным проблемам философии в МГУ, во ВГИКе, в Ин-те общей и педагогической психологии, в ун-тах др. республик и стран. Его ученики и последователи записывали эти лекции на магнитофон, перепечатывали. Они и послужили основой для посмертного издания его книг. От лекций Мамардашвили и от самого его облика веяло подлинной мудростью. Он был образцом честности и искренности в мышлении. У Мамардашвили не выдержало сердце (третий инфаркт) во внуковском накопителе при посадке на самолет в Тбилиси, когда оголтелые сторонники тогдашнего президента Грузии Звиада Гамсахурдии набросились на него с оскорблениями за его антигамсахурдиевскую позицию. В 2001 г. в Тбилиси был открыт памятник Мамардашвили работы Э. Неизвестного. Это вызвало идеологически окрашенные уличные столкновения.

Вопросы к тексту:

1. Мамардашвили определяет философию как теорию, работу с понятиями. Как Вы поняли, о каких понятиях идет речь?
2. Чем предметные понятия отличаются от понятий символов (символических понятий)?
3. Как Вы поняли утверждение Мамардашвили, о том что «человек есть искусственное существо»?
4. Как философское знание связано с возрастанием и развитием в человеке личностного начала?
5. Что такое трансцендирование и свобода? Как эти понятия связаны с личностным действием?
6. Чем, по мнению Мамардашвили, философия отличается от науки?
7. Какую миссию осуществляет философия по отношению к человеку?

Выступление на Методологическом семинаре сектора философских проблем психологии Института психологии РАН 3 марта 1977 года

Тема моего сообщения — «Философия и личность». Я прошу с самого начала понять меня правильно: замысел выступления не состоит в том, чтобы излагать какую-нибудь философскую теорию личности. Я вообще сомневаюсь, что такая есть и что такая возможна. Я лишь хочу высказать какие-то соображения о связи этих двух вещей, каждая из которых не ясна.

И вот я, вращаясь в рамках интуитивного представления и о том, и о другом, и не претендуя ни на какие определения отдельно личности или философии, пытаюсь просто эксплицировать нашу интуицию, которая есть у всех нас. Мы иногда не обращаем на нее внимания, хотя на уровне обычного словоупотребления довольно точно применяем термины и понятия, скажем, когда мы говорим на уровне интуиции о ком-то, что это — личность.

Точно так же есть какие-то основания, по которым нам и хочется, и колется зачислять философию в науки. Мы знаем, что **философия — это теория, это работа с понятиями, т. е. определенный вид интеллектуальной теоретической деятельности.** И тем не менее, когда кто-нибудь говорит нам, что философия — это наука, мы как-то невольно вздрагиваем. Вот почему вздрагиваем? В чем здесь дело? Та общая связка одного и другого, связка, которая вместе выделяет в особую, взаимосвязанную проблему философию и личность, она эта связка лежит в одном очень интересном обстоятельстве самой человеческой жизни, сознательной жизни, и в самом феномене который мы, тоже интуитивно, называем «человек», выделяя его в какой-то специфический облик, выступающий на фоне Вселенной, космоса, на фоне существ, которые составляют Вселенную. Что-то в нем есть и особенное, выделяющее его, и таинственное, очевидно. Во всяком случае, самые большие проблемы, перед которыми стоит человек — это те загадки, которые он сам-собой-себе-задал. То есть самой большой проблемой для человека является, конечно, — человек: ничто и никто не может ему так напакостить, в смысле затруднить ему мысль, как он же сам себе. Но это не случайно. Это связано ... с тем, что ... человек есть такое существо, которое вообще существует, только задавая вопросы.

В философии уже давно есть традиция выделения особой категории вопросов, которые называются иногда символами, иногда просто вопросами, которые требуют особой, специальной техники их формулирования и обработки и которые — суть вопросы, не имеющие ответа в том смысле, что они и не требуют такого ответа, их смысл и функция состоят в том, чтобы быть заданными, т. е. философия показывала, что есть некоторое существо, факт конституирования и бытийствования которого проявляется вопросом. ... человеческое существо есть такое существо, которое задает вопрос о своем бытии. И это отличает его от всех других.

Чтобы пробудить ассоциации, я скажу вам о таком понятии, которое существует в философии, понятии, скажем, «Я». В смысле интеллектуальной техники введения этого понятия и обращении с ним оно равнозначно другому философскому понятию, а именно, понятию Бога или божественного интеллекта. От второго понятия прошу мысленно, в голове, отвлечь всякие религиозные ассоциации, потому что я говорю о философском понятии, а не о понятии теологии. В чем сходство этих понятий? В свое время Декарт на материале как понятия Я, так и понятия Бога показывал, что, собственно говоря, само это понятие не имеет предмета, а есть проявление действия в человеке какого-то существования. Отсюда и формулировка: «Я мыслю, следовательно, существую». То есть, нам не нужно искать такое Я, как эмпирический предмет наряду с другими предметами, как мы могли бы увидеть звезды наряду с другими звездами или планетами, столы рядом со стульями, т. е. выполняли бы основные правила научной процедуры, состоящей в том, что для всякого, даже самого абстрактного понятия, должна существовать какая-то процедура, подставляющая под него какой-то объект, на который мы могли бы указать

другими средствами, а именно — эмпирическими средствами наблюдения и опыта. **Это так называемые предметные понятия. Но есть понятия, которые не имеют предмета и не для этого создаются. Это — символы.** Таким Символом является, например, понятие Я. И когда в философии говорят о Я, или о личности Я, если угодно, то имеется в виду не наше эмпирическое, психологическое Я, которое существовало бы реально и натурально, а некая конструкция, являющаяся сама продуктом некоторого усилия, и существующая лишь благодаря поддерживающему усилию существа, думающего о Я, т.е. имеющего это понятие. То есть сам предмет создается актом мышления о нем, и вне этого акта не существует. В этом смысле он тогда является проявлением существования: Я мыслю, следовательно, существую. Также точно онтологическое доказательство бытия Бога у Декарта сводится к этой мысли, что нет такого предмета, и сама мысль о нем, о Боге, которая ниоткуда невыводима, не может быть рассмотрена как продукт воздействия на нас каких-то эмпирических обстоятельств, которые содержали бы и передавали нам какую-то мысль об этом существе, а есть проявление нашей приобщенности к существованию некоторого сверхмощного божественного интеллекта.

Какова особенность этих перечисленных мной символических понятий, которые требуют, я повторяю, особой интеллектуальной техники введения их в состав теории и способов обращения с ними? А то, что эти понятия указывают на некую фундаментальную особенность человеческого феномена, состоящую в том, что человек есть, очевидно, искусственное существо. Как в смысле необходимости создания им органов своей жизни, которая не вытекает ни из каких заданных биологических механизмов и не гарантируется никакими природными процессами в своем осуществлении, так и в смысле проблемности существования его в так называемой второй природе или созданной им среде из каких-то особых кентаврических объектов, которые имеют одновременно и свойства объектов, предметов природы, и в то же время природой не создаются, а создаются человеком. Человек создан этой средой, и дело в том, что существование его в этой среде — проблематично в том смысле, что эта среда не может существовать, воспроизводиться и продолжать свое существование сама собой. Она должна в каждый момент дополняться воспроизводством какого-то усилия со стороны человека. Без этого мир умирает.

То есть мы получили две вещи одновременно, мы получили какой-то род бытия, который содержит в себе дыры, скажем так, дырявое бытие, запрашивающее какое-то усилие от человека, и без воспроизводства этого усилия не существующее: оно как бы провисает в пустоте и падает, а с другой стороны, мы имеем вот это существо, которое это усилие совершает, как существо незавершенное, ни на чем в природе не основанное. ...животное, реализуя свое половое влечение, реализует его согласно переданным и автоматически осуществляющимся механизмам инстинкта.

У человека ничего этого нет. Он все это приобретает. Для того, чтобы мать и сын не были объединены половым желанием, всю многомиллионную историю человечества существует очень сложный и загадочный запрет инцеста — странное, своеобразное культурное учреждение. И смысл его и сложность состоят как раз в том, что оно понадобилось, чтобы таким образом воспроизводился собственно человеческий способ реализации полового влечения.

Человек должен установить определенными способами психологической проработки и развития предметы своих желаний. Они не заданы ему автоматически или машинообразно.

...искусственности и бесосновности в природном смысле слова феномена человека. Философия — в каком-то смысле, орган ориентации человека вот в этом пустом и одновременно сложном пространстве, которое, чтобы существовать, требует от человека усилия. На языке философии такое усилие обычно называется трансцендированием. Трансцендированием опыта, существующих порядков, существующих психических механизмов и т. д.

в человеке, помимо того, что мы могли бы описать как натурально существующее, есть еще и некая действующая сила, толкающая его все время к выходу за эти пределы к трансцендированию. Трансцендирование к чему? А ни к чему; поскольку по смыслу символических понятий, которые я перед этим вводил, таких предметов нету. То есть: есть трансцендирование, но нет трансцендентного, трансцендентных предметов нет. Кант своей «Критикой чистого разума» на веки вечные установил этот факт, который существовал, конечно, до его установления, — что нет таких трансцендентных предметов, в том числе Бога. Есть символы, посредством которых мы обозначаем последствия действия какой-то силы в нас самих.

Поэтому самое содержательное определение свободы (а понятие свободы имеет прямое отношение к личности), — это определение свободы как чего-то такого в нас, что от нас не зависит, что является **трансцендированием** в том смысле, что оно не имеет никогда никаких конкретных оснований, которые мы могли бы находить в какой-нибудь конкретной, окружающей индивида культуре.

Ну, скажем (я начну с простого), например, честность, добро и тому подобное отличаются от нечестности и зла тем, что последние всегда имеют причины, а первые — никогда. Разве какие-нибудь причины должны быть для того, чтобы быть честным? Разве существуют какие-нибудь причины для того, чтобы быть добрым? И разве мы их ищем, когда интуитивно констатируем добрый или честный поступок? У них нет причин. В случае со злом, с нечестностью мы ищем и находим причины. То есть сами эти понятия нуждаются в указаниях на причины, которые всегда есть. Но какая может быть причина у честности? Да никакой. И эмпирически ее найти нельзя. А вот для нечестности, для зла есть всегда причины, в психологическом и социологическом объяснении они всегда фигурируют, мы всегда объясняем, почему человек поступил зло или трусливо. Но никогда не пытаемся, я не говорю, что мы не можем объяснить, почему человек поступил по добру.

Я фактически хочу сказать, что у нас есть в нашем языке, в нашей психологической развитости совокупность навыков непосредственного узнавания того, что мы называем личностным действием.

Личностное действие — это то, для чего не надо указывать никаких причин, что невыводимо из того, что и как принято в данном обществе, невыводимо и совершилось не потому, что в данной культуре такой навык и так уговорились считать, поступать, делать. Ведь что мы называем личностным деянием? Что выделяет личностно действующего человека или индивида? А вот то, что для его поведения нет никаких условных оснований. Оно безусловно. Я имею в виду условности, принятые в данной морали и праве, а как вы знаете, все системы морали по разбросу их географии, культур, времени и пространства весьма разнообразны, в данных правовых установлениях нет таких оснований. И мы интуитивно называем человека, который в каком-то смысле поступает не то чтобы вопреки всему, я не знаю, как эту мысль выразить, а «ни почему», а «вот так и не иначе».

...то, что мы локализуем как личность, явно не есть, скажем, грузин, русский, индус и т.д. То есть мы употребляем понятие личности только для того, что составляет в человеке нечто субстанциальное, принадлежащее к человеческому роду, а не к возможностям воспитания, культур и нравов.

Личностные структуры не есть структуры нашей индивидуальности. Как раз, может быть, в той мере, в какой мы поступаем личностно, мы не индивидуальны, совсем не индивидуальны.

То есть личностные действия трансцендируют — я уже употреблял этот термин — любые конкретные порядки. И поэтому, собственно, и распознается среди них как нечто особое.

Человеческие установления вообще таковы, что они не живут, умирают, если в каждый данный момент на достаточно большой человеческий материал не находилось людей, способных поступать личностно, т. е. людей, способных - на уровне собственной

неотъемлемой жизненно-смертной потребности, риска и ответственности, понимания и т. д. - воспроизводить это установление, например, моральный закон, юридический закон и т. д. А если нет этих личностей - или хотя бы одной личности, то эти установления не воспроизводятся, т. е. космос умирает.

В итоге моя мысль состоит в том, что есть особый режим, в котором наша сознательная жизнь вообще существует и осуществляется. Установившийся режим, воспроизводство которого есть условие и содержание воспроизводства человеческого феномена.

...и философия, как деятельность, т. е. как размышление, и личность как сложившаяся структура, имеют отношение к этому режиму, в каком сложилась наша сознательная жизнь, и в каком она только и может воспроизводиться.

...когда я говорил трансцендирование, то, с одной стороны, имел в виду усилие. Но это — хрупкая вещь.

философская деятельность имеет к этому очень серьезное отношение по одной простой причине: философия отличается от науки тем, что это интеллектуальная деятельность, направленная на то, чтобы в любой новой или сложной ситуации воссоздать способность человека понимать и находить себя и свое место через то знание и информацию, которые он имеет о мире. Фактически философия пытается дать человеку возможность найти себе место, понятное место в том мире, который описывается знанием. Представьте себе, что вполне возможен какой-то мир, который описывается знанием, и если человек не может найти себя, осмысленное для себя место в такой мере, как описано знанием, то это знание перестает для него быть человеческим богатством.

То есть философия — своего рода деятельность, направленная на то, чтобы составить правило интеллигибельности того мира, который описывается наукой и положительным знанием. Философия — деятельность, направленная на то, чтобы постоянно оживлять и фиксировать место человека в том мире, из которого приходит информация. Место не человека, наблюдающего мир и внешнего ему, а место некоего существа в том источнике, который и нам активно поставляет информацию, даваемую нам наукой. Если не удастся этого делать, то мы на эмпирическом уровне или обыденным языком описываем эти ситуации часто как отчуждение, аномию и т.д. и т.п. В действительности философия в этом смысле может быть определена как некоторый бытийно-личностный эксперимент, продуктом которого является личность на одной стороне, а на другой — картина такого мира. в котором эта личность могла бы осмысленно жить, ориентироваться, понимать и воспроизводить себя в этом мире в качестве именно личности.

Я хочу сказать, что человек есть какая-то совокупность фундаментальных человеческих требований к миру, каким он должен быть. Это неотделимо от феномена человека. А позитивное знание нам описывает мир как таковой, каким он есть. Философская деятельность внутри знания, пользуясь средствами знания — понятиями, состоит в том, чтобы выявлять каждый раз такой мир, в котором личность могла бы жить (или, выявив, не хотела бы жить — это одно и то же).

И философы в этом смысле (так называемые великие философы) есть люди, которые экзemplифицировали экспериментально способ бытия такого рода. Поэтому нас всегда интересуют записи. Они к тому же оставляли всевозможные записи — книги, тексты. И поэтому мы всегда к ним обращаемся, а в науке мы обращаемся часто просто к анонимно зафиксированной формуле. Нам не обязательно добираться до оригинала текста. А вот в философии существует эта интуитивно несомненная задача всегда обращаться к оригиналу. Мы ведь не будем просто выжимку из Платона в качестве знания воспроизводить, а нас интересуют диалоги Платона, облик Платона. И не психологический облик, а облик бытийный, где на собственной плоти и крови, на риске собственной жизни, на собственном теле осуществлялся некий бытийно-личностный эксперимент, который нам остается как изобретенная форма жизни.

...личность, как и человек, не есть предмет философии. Предметом философии является та задача, о которой я перед этим говорил. Философия выполняет эту задачу, строя определенного рода предельную ситуацию. Она вводит предельные объекты, в том числе Я, Бог и т. д., чтобы на этих объектах обсуждать определенные проблемы. Без введения предельных и экспериментальных представлений не существует философской деятельности. Философия — это всегда мышление-на-пределах. Но оно не есть мышление о человеке или личности, хотя результатом философствования всегда является личность.

Задание 3. Контрольный тест по теме 1:

1. Философия представляет собой:

- а) мировоззрение, основу которого составляют фантазии, легенды, вымыслы;
- б) систему взглядов на мир в целом и на отношение человека к этому миру;
- в) набор разнообразных знаний, обслуживающих повседневную жизнь людей;
- г) сложившуюся картину мира, принятую специалистами.

2. Философия возникла позже мифологии и первобытного искусства, но почти одновременно с появлением...

- а) ислама;
- б) кроманьонцев;
- в) христианства;
- г) буддизма.

3. Необязательность предварительных систем доказательств, опора на здравый смысл отличает _____ знание:

- а) квазинаучное;
- б) паранаучное;
- в) научное;
- г) обыденное.

4. _____ функция философии базируется на ее способности с наукой предсказывать общий ход развития бытия...

- а) прогностическая;
- б) аксиологическая;
- в) отражательно-информационная;
- г) эвристическая.

5. В зависимости от того, какой сфере бытия приписывается первичность – природе или духу, все философы делятся на:

- а) сенсуалистов и рационалистов;
- б) монистов и дуалистов;
- в) материалистов и идеалистов;
- г) диалектиков и метафизиков.

6. Философское учение о ценностях и их природе называется:

- а) аксиологией;
- б) онтологией;
- в) теологией;
- г) гносеологией.

7. Предметом _____ является всеобщее в системе «человек – мир»:

- а) науки;
- б) искусства;
- в) психологии;
- г) философии.

8. Рационально оформленная система взглядов человека на мир, на себя и на свое место в мире есть...

- а) религия;
- б) мифология;
- в) искусство;
- г) философия.

9. Отличительными признаками философского знания являются:

- а) антропоморфизм, отсутствие рефлексии, беспроблемность;
- б) догматичность, теоцентризм, отсутствие доказательств;
- в) проблематизация действительности, плюрализм, рефлексивность;
- г) доказательность, эмпирическая проверяемость, гипотетичность.

10. Раздел философии, разрабатывающий наиболее общие вопросы бытия, называют:

- а) логикой;
- б) онтологией;
- в) эстетикой;
- г) гносеологией.

11. Монотеизм – это:

- а) религиозно-богословское учение в христианстве;
- б) единобожие – религия, признающая единого бога;
- в) философское учение, признающее основой всего существующего одно начало;
- г) представление о Боге, согласно которому Бог творит мир, приводит его в движение и устанавливает законы, но далее не вмешивается в естественный ход природных событий.

12. Раздел философии, изучающий человека, его связь с природой, обществом и культурой называют:

- а) аксиологией;
- б) философской антропологией;
- в) гносеологией;
- г) онтологией.

13. Философия возникла в период:

- а) IX-VIII вв. до н. э.
- б) I-II вв. н. э.
- в) V-IV вв. до н. э.
- г) VII-VI в. до н. э.

14. Философская дисциплина, исследующая возможности и закономерности познания, носит название:

- а) онтология;
- б) теология;
- в) аксиология;
- г) гносеология.

15. Общими чертами философии и науки являются:

- а) способность давать общезначимые и объективные ответы на вопросы;
- б) исследование реального мира, а не того, что люди о нем думают;
- в) проблематизация действительности, построение теории и оперирование абстрактными понятиями;
- г) стремление свои результаты подтверждать опытным путем.

16. Политеизм – это:

- а) философское учение, утверждающее, что в основе бытия лежит множество независимых начал.
- б) философское учение, отрицающее познаваемость объективного мира и объективное значение истины.
- в) многобожие – религия, основанная на вере во многих богов.
- г) религия, признающая единого Бога.

17. Как самостоятельное духовно-культурное образование, философия возникла:

- а) в Древнем мире;
- б) с появлением древнейших людей;
- в) в эпоху древнейших цивилизаций;
- г) в Древней Греции, в Древнем Китае, в Древней Индии.

18. Функция философии «подвергать все сомнению» именуется:

- а) аксиологической;
- б) культурно-воспитательной;
- в) мировоззренческой;
- г) критической.

19. Философская дисциплина, исследующая происхождение, природу, функции, структуру, роль в обществе, нравственности и морали, есть...

- а) этика;
- б) эргономика;
- в) экономика;
- г) эстетика.

20. Философия, исследуемая в процессе ее предистории, возникновения, становления и развития, есть...

- а) культурология;
- б) история философской мысли;
- в) эпистемология;
- г) онтология.

21. Доказательные, проверяемые и систематизированные сведения о различных явлениях бытия составляют область _____ знания:

- а) донаучного;
- б) вненаучного;
- в) псевдонаучного;
- г) научного.

Грехом этих убийц, совершивших смешение каст, уничтожается древняя родовая и кастовая дхарма.

Люди же, потерявшие родовую дхарму, вечно пребывают в аду, ...! Из желания владеть царством мы готовы совершить великий грех, мы готовы убить своих восставших родичей. Если бы меня, безоружного, несопротивляющегося, вооружённые сыны Дхритараштры убили в бою, мне было бы легче».

Обратившись с этими словами к Хришикеше, Гудакеша, победитель врагов, сказал: «Я не буду сражаться» и умолк.

Стоя среди двух ратей и словно улыбаясь, Хришикеша обратился к повергнутому в отчаяние и молвил: «Ты скорбишь о тех, о которых не следует скорбеть, хотя и говоришь слова мудрости. Мудрые не оплакивают ни живых, ни мертвых. Ибо поистине не было времени, когда бы я, или ты, или эти владыки земли не были; воистину не перестанем мы быть и в будущем. Как живущий в теле переживает детство, юность и старость, также переходит он в другое тело. Сильный об этом не скорбит. Соприкосновения с материей бросают в холод и жар, доставляют наслаждение и страдание; эти ощущения преходящи, они налетают и исчезают; выноси их мужественно, о Бхарата. Тот, кого они не колеблют, кто уравновешен в радости и горе и тверд, тот способен к бессмертию.

У нереального нет бытия; реальное не перестает быть; эту конечную истину постигли прозревшие в суть вещей. Знай, что То, Которым проникнуто все сущее, неразруσιμο. Никто не может привести к уничтожению то Нерушимое. Преходящи лишь тела этого Вечного, который неразрушим и неизмерим. Поэтому сражайся.

Думающий, что Он может убить, и думающий, что Он может быть убитым, оба одинаково заблуждаются. Человек не может ни убивать, ни быть убитым. Он рождается и не умирает, раз получив бытие. Он не перестает существовать. Нерождённый, постоянный, вечный и древний. Он не убит, когда тело его убивают. Кто знает, что Он неразрушим, постоянен, нерождён, неизменен, как может тот убить или быть убитым? Подобно тому, как Человек, сбросив ветхую одежду, надевает новую, так бросает Он изношенные тела и облекается в новые. Оружие не рассекает Его, огонь не палит Его, вода Его не мочит, ветер не сушит Его. Ибо нельзя ни рассечь, ни спалить. Ни пропитать влагой, ни высушить Его: постоянный, всепроникающий, устойчивый, незыблемый, извечный Он. Непроявленным, непостижимым, неизменным именуется Он. Зная Его таким, ты не должен скорбеть.

Если ты даже мыслил Его постоянно рождающимся и постоянно умирающим, и тогда не должен ты скорбеть. Воистину смерть назначена для рождённого, а рождение для умершего. Посему о неизбежном ты не должен скорбеть. Непроявлены существа в начале, проявленными они бывают в середине, и снова непроявленными при разрушении. О чем же печалиться? Один почитает Его за чудо, другой говорит о Нём, как о чуде; третий слышит о Нём, как о чуде, но и услышав, никто не знает Его. Обитающий в этом теле всегда неуязвим; и посему ты не должен скорбеть ни о каком существе.

И взирая на свою собственную Дхарму (долг), ты не должен дрожать, Арджуна; воистину, для Кшатрия нет ничего более желанного, чем праведная война. Счастливы те Кшатрии, которым выпадает надолго такое сражение, подобно нежданно отверзтым вратам в Небеса. Но если ты не вступишь в этот праведный бой, отвергнув свою Дхарму и свою честь, ты примешь на себя грех. И люди поведают о твоём бесчестии, а для почитаемого позор хуже смерти.

Великие предводители на колесницах подумают, что страх заставил тебя бежать с поля сражения, и ты, которого они столь высоко чтили, станешь презренным для них. Много недостойных слов скажут твои враги, клеветца на твою силу. Что может быть мучительнее? Убитый, ты обретешь небо; победитель, ты насладишься землёю. Восстань же и решайся сразиться! Признав равными радость и скорбь, достижение и неудачу, победу и поражение, вступи в битву; так ты избежешь греха.

Таково возвещенное тебе учение, ... ; а теперь внемли наставлению, согласному с Йогой. Восприняв эту мудрость, ты сокрушишь оковы Кармы (закон причин и последствий в человеческой жизни). Здесь нет ни затраты сил, ни нарушения; даже и неполное знание Дхармы спасает от великого страха. Мысль решительного Разума сосредоточена на одном; мысли нерешительного разветвляются до бесконечности.

Цветисты речи немудрых, которые находят свою радость в букве Вед¹⁵, они говорят: «Вне этого нет ничего иного». Они полны желанием, высшая цель их рай, рождение для них плод деяний; предписанные ими обряды направлены лишь к достижению удовольствия и власти. Для

тех, кто прикован к утехам и власти, чьи мысли скованы этим учением, для тех недоступен решительный Разум, твердо устремлённый на Самадхи (состояние экстаза и слияния с высшим миром, которого Йог достигает во время созерцания). Веды поучают о трёх гунах; поднимись над ними; за пределами пары противоположностей пребывай постоянно в

Гуны — атрибуты или формы энергии, действующей через материю: Sattva (ритм, равновесие, гармония или чистота. Rajas (движение, деятельность или страсть) и Tamas (инерция, темнота, глупость).

гармонии, равнодушный к обладанию, преисполненный Высшего Я. Для просветлённого Брамина (член высшей касты) Веды полезны не более чем для местности, затопленной водою, полезен малый пруд. Взирай лишь на дело, а не на плоды его; да не будет побуждением твоим - плоды деятельности, но и бездействию не предавайся. Отказываясь от привязанности²⁰, оставаясь одинаково уравновешенным в успехе и неудаче, совершай действия в слиянии с божественным; равновесие именуется Йогой.

Много ниже Йоги Распознавания стоит действие. Ищи убежище в Чистом Разуме. Достойны сожаления действующие ради плодов. В слиянии с Чистым Разумом человек отказывается и от добрых, и от дурных деяний. Отдайся же Йоге; Йога есть искусство в действиях.

Мудрец, сочетавшийся с Чистым Разумом, отказавшийся от плодов, свободный от оков рождения, идёт в обитель, где нет страданий. Когда твой ум разорвёт сеть иллюзий, ты достигнешь безразличия к тому, что было услышано, и к тому, что будет услышано.²³ Когда ум твой, запутанный в тексты Писаний, установится неподвижно в созерцании, тогда ты достигнешь Йоги (соединение с высшим Я)».

Арджуна сказал: «Как определить того, чей ум устойчив, кто утвердился в созерцании, о Кешава (эпитет) ? Как говорит тот, чей ум успокоился? Как ходит он и как сидит?»

Благословенный сказал: «Когда человек отказался от всех желаний сердца, когда его Я нашло удовлетворение в *Божественном Я*, тогда он именуется человеком со стойким умом. Тот, чей ум спокоен среди страданий, бесстрастен среди наслаждений, кто освободился от желаний, страха и гнева, тот именуется мудрецом со стойким умом. Тот, кто ни к чему не привязан, кто, встречая приятное и неприятное, не радуется и не ненавидит, (здесь вопрос не о равнодушии, а о победе над страстями) разумение того установилось.

Когда, подобно черепахе, втягивающей в себя все свои члены, он отрывает свои чувства от предметов чувств, тогда его разумение установилось. От предметов чувств, но не от вкуса к ним освобождается тот, кто не дает им питания; но и вкус к ним исчезает у того, кто узрел Брахмана. Возбужденные чувства неудержимо увлекают разум даже мудрого человека, хотя бы не переставал бороться.

Укротив все чувства, он должен стать уравновешенным, поставив себе высшей целью Меня; ибо разум того установлен, кто владеет чувствами своими. Устремление мысли на предметы чувств рождает привязанность к ним; от привязанности рождается вожделение; от вожделения рождается гнев. От гнева происходит заблуждение; от заблуждения смятение памяти; от смятения памяти разрушение Разума; (Человек, теряя самообладание, делается рабом страсти. Страсть затемняет его разум, и человек отрывается от своего духовного центра, т. е. погибает.) от разрушения Разума человек погибает.

Но свободное от притяжения и отталкивания, двигаясь среди предметов чувств, владеющее собою я, послушное своему Высшему Я, идет к миру. В этом состоянии мира наступает конец всем страданиям; разум того, чьё сердце успокоилось, скоро достигнет равновесия.

Нет Чистого Разума для не владеющего собой, и нет для него медитации; без медитации нет мира, а без мира возможно ли счастье? Чувства, увлекающие разум, уносят разумение подобно ветру, несущему ладью по бурным волнам. Поэтому, у того, чьи чувства совершенно отвлечены от предметов чувств, разум того вполне устойчив.

Тот обретает мир, в душу которого вливаются желания так же, как в полноводный океан, сохраняющий неподвижность, вливаются реки, а не тот, кто желает желаний. Кто отрекся от всех желаний и идёт вперед, свободным от вожделения, самости и эгоизма, тот направляется к миру.

Таково состояние Брахмана.(т. е. божественное состояние.) Кто обрел его, тот не смутится вовек. И кто достигнет его, хотя бы в свой смертный Час, тот обретает Нирвану³¹ Брахмана. (Высшее состояние сознания просветленного духа, слившегося с Богом, и потому наивысшая полнота бытия, доступная посвященному. По сравнению с обыденным сознанием, центр которого — наше малое земное «я», это состояние полноты сознания представляется как небытие.)

Так в достославных Упанишадах благословенной БХАГАВАДГИТЫ, науки о ВЕЧНОМ, Писании Йоги, гласит беседа между Шри-Кришной и Арджуной, именуемая: ЙОГА ПУТЕМ САНКХЬИ. (т.е. философского познания)

Бхагавадгита. Перевод с санскрита. Исследования и примечания В.С. Семенцова. М.: Восточная литература. РАН, 1999. С. 30-45.

Задание 2. Контрольный тест.

1. В философии Востока по сравнению с философией Запада больше внимания уделяется:
- а) научно-техническому прогрессу;
 - б) модернизации общества;
 - в) познанию внешнего мира;
 - г) духовному миру человека.
2. Какое понятие индийской философии, обозначает высшую объективную реальность, некое безличное абсолютное начало, из которого возникает и в котором растворяется всё мироздание:
- а) Рита;
 - б) Брахман;
 - в) Ахимса;
 - г) Атман.
3. Что такое Упанишады?
- а) общие понятия, идеи, которые, имея самостоятельный смысл, существуют телесно, «до вещей», или «в вещах»;
 - б) древне-индийские произведения религиозно-философского характера, примыкающие к Ведам;
 - в) объяснения, примечания, в которых даются разъяснения;
 - г) проекты, реальное воплощение которых невозможно.
4. Это понятие древнеиндийской философии обозначает вечную, неизменную духовную сущность индивидуума:
- а) Брахман;
 - б) Атман;
 - в) карма;
 - г) нирвана.
5. Состояние «освобождения» от бесконечных перевоплощений в индийской философии называется...
- а) карма;
 - б) мокша;
 - в) дхарма;
 - г) сансара.
6. Какая из школ древнеиндийской философии разработала не только теоретическое учение, но и практические приемы очищения и сосредоточения для достижения освобождения и мистического слияния души с Богом:
- а) джайнизм;
 - б) санкхья;
 - в) буддизм;
 - г) йога.
7. Что означало понятие карма в древнеиндийской философии?
- а) всевозможные нормы религиозного, светского или семейного поведения;
 - б) моральный закон, долг, духовное учение;
 - в) закон воздаяния, в широком смысле понимаемый как рок или судьба;
 - г) всеобщий космический закон.
8. Кто из мудрецов Индии «просветлев», понял, что жизнь есть страдание, что страдание имеет причины и существует путь к избавлению от страданий:
- а) Брахиспати;
 - б) Сиддхартха Гаутама;
 - в) Капила;
 - г) Канада.
9. Представители какой древнеиндийской философской школы утверждали, что прохождение восьмеричного пути обеспечит человеку полное душевное спокойствие:
- а) Санкхья;
 - б) чарвака-локаята;
 - в) буддизм;
 - г) вайшешика.
10. Что значит понятие Дхарма в индийской философии:
- а) моральный закон, долг, духовное учение;
 - б) путь;
 - в) гуманность, милосердие;
 - г) божественная душа человека.
11. Перевоплощение души личности в цепи новых рождений по закону кармы в индийской философии называется...
- а) дхарма;
 - б) сансара;
 - в) мокша;
 - г) чарвака.

23. В основе конфуцианской этики лежит принцип:

а) справедливости;	в) счастья;
б) человеколюбия;	г) равенства.

24. В отличие от Древней Греции, становление философии на Древнем Востоке, проходило в условиях...

а) деспотии;	в) усвоения других культур;
б) свободомыслия и состязательности во всем;	г) демократии.

Задание 3. Творческое задание. Прокомментируйте цитату китайского мудреца.

«Сознание – это не ворота, которые можно силой распахнуть шире. Необходимо отбросить препятствия, связанные с желаниями вещей, и тогда сознание станет чистым и ясным...» Чжу Си О сознании (Синь)

Тема 3. Античная философия

Задание 1. Текст. Прочитайте отрывок из диалога Платона «Государство»:

[Символ пещеры]

514 – После этого, – сказал я, – ты можешь уподобить нашу человеческую природу в отношении просвещенности и непросвещенности вот какому состоянию... посмотри-ка: ведь люди как бы находятся в подземном жилище наподобие пещеры, где во всю ее длину тянется широкий просвет. С малых лет у них там на ногах и на шее в оковы, так что людям не двинуться с места, и видят они только то, что у них прямо перед глазами, ибо повернуть голову они не могут из-за этих оков. Люди обращены спиной к свету, исходящему от огня, который горит далеко в вышине, а между огнем и узниками проходит верхняя дорога, огражденная – глянь-ка – невысокой стеной вроде той ширмы, за которой фокусники помещают своих помощников, когда поверх ширмы показывают кукол.

– Это я себе представляю.

– Так представь же себе и то, что за этой стеной другие люди несут различную утварь, держа ее так, что она видна поверх стены; проносят они и статуи, и всяческие изображения живых существ, сделанные из камня и дерева. При этом, как водится, одни из несущих разговаривают, другие молчат.

– Странный ты рисуешь образ и странных узников!

– Подобных нам. Прежде всего разве ты думаешь, что, находясь в таком положении, люди что-нибудь видят, свое ли или чужое, кроме теней, отбрасываемых огнем на расположенную перед ними стену пещеры?

в – Как же им видеть что-то иное, раз всю свою жизнь они вынуждены держать голову неподвижно?

– А предметы, которые проносят там, за стеной; Не то же ли самое происходит и с ними?

– То есть?

– Если бы узники были в состоянии друг с другом беседовать, разве, думаешь ты, не считали бы они, что дают названия именно тому, что видят?

– Непременно так.

– Далее. Если бы в их темнице отдавалось эхом все, что бы ни произнес любой из проходящих мимо, думаешь ты, они приписали бы эти звуки чему-нибудь иному, а не проходящей тени?

– Клянусь Зевсом, я этого не думаю.

с – Такие узники целиком и полностью принимали бы за истину тени проносимых мимо предметов.

– Это совершенно неизбежно.

– Понаблюдай же их освобождение от оков неразумия и исцеление от него, иначе говоря, как бы это все у них происходило, если бы с ними естественным путем случилось нечто подобное.

Когда с кого-нибудь из них снимут оковы, заставят его вдруг встать, повернуть шею, пройтись, взглянуть вверх – в сторону света, ему будет мучительно выполнять все это, он не в силах будет смотреть при ярком сиянии на те вещи, тень от которых он видел раньше. И как ты думаешь, что он скажет, когда ему d начнут говорить, что раньше он видел пустяки, а теперь, приблизившись к бытию и обратившись к более подлинному, он мог бы обрести правильный взгляд? Да еще если станут указывать на ту или иную мелькающую перед ним вещь и задавать вопрос, что это такое, и вдобавок заставят его отвечать! Не считаешь ли ты, что это крайне его затруднит и он подумает, будто гораздо больше правды в том, что он видел раньше, чем в том, что ему показывают теперь?

– Конечно, он так подумает.

е – А если заставить его смотреть прямо на самый свет, разве не заболят у него глаза, и не вернется он бегом к тому, что он в силах видеть, считая, что это действительно достовернее тех вещей, которые ему показывают?

– Да, это так.

– Если же кто станет насильно тащить его по крутизне вверх, в гору и не отпустит, пока не извлечет его на солнечный свет, разве он не будет страдать и не возмутится таким насилием? А когда бы он 516 вышел на свет, глаза его настолько были бы поражены сиянием, что он не мог бы разглядеть ни одного предмета из тех, о подлинности которых ему теперь говорят.

– Да, так сразу он этого бы не смог.

– Тут нужна привычка, раз ему предстоит увидеть все то, что там, наверху. Начинать надо с самого легкого: сперва смотреть на тени, затем – на отражения в воде людей и различных предметов, а уж потом – на самые вещи; при этом то, что на небе, и самое небо ему легче было бы видеть не днем, а ночью, то есть смотреть на звездный свет и Луну, а не на Солнце и, его свет.

б – Несомненно.

– И наконец, думаю я, этот человек был бы в состоянии смотреть уже на самое Солнце, находящееся в его собственной области, и усматривать его свойства, ; не ограничиваясь наблюдением его обманчивого отражения в воде или в других, ему чуждых средах.

– Конечно, ему это станет доступно.

– И тогда уж он сделает вывод, что от Солнца зависят и времена года, и течение лет, и что оно ведает всем в видимом пространстве и оно же каким-то с образом есть причина всего того, что этот человек и другие узники видели раньше в пещере.

– Ясно, что он придет к такому выводу после тех наблюдений.

– Так как же? Вспомнив свое прежнее жилище, тамошнюю премудрость и сотоварищей по заключению, разве не сочтет он блаженством перемену своего положения и разве не пожалеет своих друзей?

– И даже очень.

– А если они воздавали там какие-нибудь почести и хвалу друг другу, награждая того, кто отличался наиболее острым зрением при наблюдении текущих мимо предметов и лучше других запоминал, что d обычно появлялось сперва, что после, а что и одновременно, и на этом основании предсказывал грядущее, то, как ты думаешь, жаждал бы всего этого тот, кто уже освободился от уз, и разве завидовал бы он тем, кого почитают узники и кто среди них влиятелен? Или он испы тывал бы то, о чем говорит Гомер, то есть сильнейшим образом желал быкак поденщик, работая в поле, службой у бедного пахаря хлеб добывать свой насущный [1] и скорее терпеть что угодно, только бы не разделять представлений узников и не жить так, как они?

– Я-то думаю, он предпочтет вытерпеть все что угодно, чем жить так.

– Обдумай еще и вот что: если бы такой человек опять спустился туда и сел бы на то же самое место, разве не были бы его глаза охвачены мраком при таком внезапном уходе от света Солнца?

– Конечно.

– А если бы ему снова пришлось состязаться 517 с этими вечными узниками, разбирая значение тех теней? Пока его зрение не притупится и глаза не привыкнут – а на это потребовалось бы немалое время, – разве не казался бы он смешон? О нем стали бы говорить, что из своего восхождения он вернулся с испорченным зрением, а значит, не стоит даже и пытаться идти ввысь. А кто принялся бы освобождать узников, чтобы повести их ввысь, того разве они не убили бы, попадись он им в руки?

– Непременно убили бы.

– Так вот, дорогой мой Главкон, это уподобление следует в применить ко всему, что было сказано ранее: область, охватываемая зрением, подобна тюремному жилищу, а свет от огня уподобляется в ней мощи Солнца. Восхождение и созерцание вещей, находящихся в вышине, – это подъем души в область умопостигаемого. Если ты все это допустишь, то постигнешь мою заветную мысль – коль скоро ты стремишься ее узнать, – а уж богу ведомо, верна ли она. Итак, вот что мне видится: в том, что познаваемо, идея блага – это предел, и она с трудом различима, но стоит только ее там различить, как отсюда напрашивается вывод, что именно она – причина всего с правильного и прекрасного. В области видимого она порождает свет и его владыку, а в области умопостигаемого она сама – владычица, от которой зависят истина и разумение, и на нее должен взирать тот, кто хочет сознательно действовать как в частной, так и в общественной жизни.

– Я согласен с тобой, насколько мне это доступно.

– Тогда будь со мной заодно еще вот в чем: не удивляйся, что пришедшие ко всему этому не хотят заниматься человеческими делами; их души всегда стремятся ввысь. Да это и естественно, поскольку соответствует нарисованной выше картине.

d – Да, естественно.

Задание 2. Контрольный тест.

1. Хронологические рамки античной философии:

а) 6 в. до н. э. – 6 в. н. э.;

в) 9-6 вв. до н. э. – 5 в. н. э.;

б) 8 в. до н. э. – 1 в. н. э.;

г) 1-2 вв. до н. э. – 6-7 вв. н. э.

2. Первый греческий и вместе с тем первый европейский философ это:

а) Ксенофан;

в) Платон;

б) Фалес;

г) Пифагор.

3. Кто считал первоначалом мира воду:

а) Анаксимен;

в) Левкипп;

б) Фалес;

г) Аристотель.

4. Первые древнегреческие философы интересовались проблемой:

а) устройства космоса и первоначалом бытия;

в) научного метода;

б) смысла человеческой жизни;

г) соотношения веры и разума.

5. Кому из античных философов принадлежит это изречение: *«Этот космос, один и тот же для всех, не создал никто из богов, никто из людей, но он всегда был, есть и будет вечно живой огонь, мерно возгорающий, мерно угасающий»*:

а) Платону;

в) Сократу;

б) Гераклиту;

г) Фалесу.

6. Согласно диалектике, основной причиной и источником самодетерминации, саморазвития любого объекта является:

а) взаимодействие противоположностей;

в) божественная предопределенность;

б) целеполагание;

г) свободная воля к жизни.

7. Пифагор утверждал:
а) «Число все вещи подобны»; в) «Понимание у людей – околосердечная кровь»;
б) «Война – отец всех»; г) «Все из воды».
8. Кто ввел в философию понятия «бытие» и «небытие»:
а) Фалес; в) Парменид;
б) Гераклит; г) Сократ.
9. Кто из античных мудрецов сказал: «Многознание уму не научает»:
а) Гераклит; в) Платон;
б) Фалес; г) Прокл.
10. Кто считал, что первоначалом мира является воздух?
а) Анаксимандр; в) Анаксимен;
б) Гераклит; г) Бозций.
11. Парменид утверждал:
а) «бытие вечно, неизменно, неподвижно»; в) «все течет, все изменяется»;
б) «земля шарообразна»; г) «Помни о смерти».
12. Греческая мысль зародилась в городах Ионии (побережье Малой Азии) и Южной Италии, а своего расцвета достигла в...
а) Эретрии; в) Спарте;
б) Дельфах; г) Афинах.
13. Философское учение Платона, утверждающее, что мир чувственных вещей зависит от мира идей называется...
а) креационизмом; в) пантеизмом;
б) объективным идеализмом; г) субъективным идеализмом.
14. Кому принадлежит идея о тождестве бытия и мышления:
а) Фалесу; в) Пармениду;
б) Демокриту; г) Эпикуру.
15. Что лежит в основе бытия по мнению Демокрита?
а) вода; в) атомы;
б) апейрон; г) огонь.
16. Детерминизм – это:
а) философская концепция, предполагающая обусловленность одних явлений другими явлениями;
б) отрицание общепринятых норм, ценностей, достижений в культуре, философии, науке;
в) гносеологическая концепция, отрицающая (полностью или частично) возможность объективного познания мира человеком;
г) наделение предметов человеческими свойствами, т.е. уподобление их человеку.
17. Переориентация античной философии с темы природы на тему человека связана с именами:
а) Сократа и софистов; в) Демокрита;
б) Эпикура; г) Парменида.
18. Кто из древнегреческих философов первым сформулировал диалектические принципы развития мира?
а) Анаксимандр; в) Парменид;
б) Гераклит; г) Фалес.
19. Из каких исторических источников мы знаем о Сократе:
а) из мифов; в) из письменного наследия Сократа;
б) из произведений Платона и Ксенофонта; г) из произведений Аристотеля.
20. Кому принадлежат слова: «Я знаю, что ничего не знаю»:
а) Аристотелю; в) Горгию;
б) Сократу; г) Фоме Аквинскому.

21. Афоризм «Человек – мера всех вещей» принадлежит:
 а) Сократу; в) Аристотелю;
 б) Протагору; г) Боэцию.
22. Софистами в Древней Греции называли:
 а) ученых; в) платных учителей мудрости и риторики;
 б) политических деятелей, стоящих во главе государства; г) астрономов и алхимиков.
23. Философская теория об универсальности движения и развития всего сущего называется:
 а) синергетикой; в) диалектикой;
 б) соционикой; г) метафизикой.
24. Два способа и вида бытия – «мир идей» и «мир чувственных вещей» - впервые были открыты в Античности:
 а) Протагором; в) Платоном;
 б) Аристотелем; г) Пифагором.
25. Платон ввел в философию понятие:
 а) «эйдосы»; в) «форма»;
 б) «Логос»; г) «апейрон».
26. Какая из философских школ натурфилософского периода признавала идею переселения душ и гелиоцентрическую концепцию:
 а) Элейская; в) Милетская;
 б) Платоновская Академия; г) Пифагорейская.
27. Что такое «Метафизика»:
 а) родословие богов; в) наука о сверхчувственном мире, первофилософия;
 б) наука о природе; г) учение об истолковании текстов и их смыслах.
28. Кто считал, что идея вещи существует в самой вещи:
 а) Горгий; в) Аристотель;
 б) Платон; г) Эпикур.
29. Аристотель разработал основные законы:
 а) атомистического материализма; в) эристики;
 б) логики; г) метафизики.
30. Аристотель утверждал, что:
 а) у каждой вещи есть четыре причины возникновения; в) все из воды;
 б) идея вещи – единственная причина вещи; г) вещи возникают по воли необходимости из атомов.
31. Кому принадлежат эти слова: «Платон мне друг, но истина дороже»:
 а) Аристотелю; в) Эпикуру;
 б) Сократу; г) Фалесу.
32. Учение какой философской школы завершает античную философию:
 а) стоиков; в) скептиков;
 б) неоплатоников; г) перипатетиков.
33. Этот философ античности подразделил все существующие на тот момент науки на теоретические, практические и творческие:
 а) Платон; в) Аристотель;
 б) Демокрит; г) Горгий.
34. Кто из философов античности считал, что так же, как свободным называют человека, который живет для себя, так и философия - единственно свободная наука, так как существует ради себя. Все другие науки более необходимы, чем философия, но лучше нет ни одной:
 а) Аристотель; в) Парменид;
 б) Фалес; г) Гомер.

было ли у Тебя под руками какой-нибудь материи, из которой мог Ты творить? Но откуда взялась бы эта материя, не созданная Тобой, а между тем послужившая материалом для Твоего творчества? Допущением такой материи неизбежно ограничивалось бы Твое всемогущество... До творения Твоего ничего не было, кроме Тебя, и все существующее зависит от Твоего бытия... Господь всемогущий, Ты создал нечто из «ничего», Начало, которое от Тебя, Мудростью Твоей, рождённой от субстанции Твоей. Ты создал небо и землю не из Своей субстанции: иначе творение Твое было бы равно Сыну Твоему, а через Него и Тебе. А кроме Тебя, Боже, Единая Троица и Троичное Единство, не было ничего, из чего Ты мог бы создать мир. Ты и создал из «ничего» небо и землю, нечто великое и нечто малое, ибо Ты всемогущ и добр и потому сотворил все добрым...

Разве не обветшали разумом те, кто спрашивает нас: «Что делал Бог до того, как создал небо и землю? Если Он ничем не был занят, говорят они, и ни над чем не трудился, почему и впредь не остался в состоянии покоя? Если же у Бога возникает новое деятельное желание, то что же это за вечность, в которой рождается желание, ранее не бывшее?» Те, кто говорят так, ещё не понимают Тебя, Премудрость Божия, просвещающая умы. Они пытаются понять сущность вечного, но до сих пор в потоке времени носится их сердце и до сих пор оно суетно. Пусть оно увидит, что длительное время делает длительным множество преходящих мгновений, которые не могут не сменять одно другое; в вечности ничто не приходит, но пребывает как настоящее во всей полноте; время как настоящее во всей полноте пребывать не может. Пусть увидит, что всё прошлое вытеснено будущим, всё будущее следует за прошлым и всё прошлое и будущее создано Тем, Кто всегда пребывает. Всякое время создал Ты, и до всякого времени был Ты, и не было времени, когда времени вовсе не было.

Что же такое время? Что обыкновеннее бывает у нас предметом разговора, как не время? Если никто меня об этом не спрашивает, я знаю, что такое время; если бы я захотел объяснить спрашивающему - нет, не знаю. Между тем вполне сознаю, что если бы ничего не проходило, то не было бы прошлого, если бы ничего не приходило, не было бы будущего времени; если бы ничего не было, то не было бы и настоящего. А как могут быть прошлое и будущее, если прошлого уже нет, а будущего еще нет? И если бы настоящее всегда оставалось настоящим и не уходило бы в прошлое, то это было бы уже не время, а вечность. Как же мы говорим, что оно есть, если причина его возникновения в том, что его не будет! Разве мы ошибемся, сказав, что время существует только потому, что оно стремится исчезнуть? Настоящим можно назвать только тот момент во времени, который невозможно разделить хотя бы на мельчайшие части, но он так стремительно уносится из будущего в прошлое! Длительности в нем нет. Кто решился бы сказать, что есть только настоящее, а тех двух времен нет? Где увидели будущее те, кто его предсказывал, если его нет? Нельзя увидеть несуществующее. И те, кто рассказывает о прошлом, не рассказывали бы о нем правдиво, если бы не видели его умственным взором, а ведь нельзя же увидеть то, чего вовсе нет. Детства моего, например, уже нет, ибо оно в прошлом, которого уже нет, но когда я о нем думаю и рассказываю, то я вижу образ его в настоящем, ибо он до сих пор жив в памяти моей. Совершенно ясно теперь одно: неправильно говорить о существовании трех времен: прошедшего, настоящего и будущего. Правильнее было бы, пожалуй, говорить так: есть три времени - настоящее прошедшего, настоящее настоящего и настоящее будущего. Некие три времени эти существуют в нашей душе, и нигде в другом месте я их не вижу: настоящее прошедшего - это память; настоящее настоящего - его непосредственное созерцание; настоящее будущего - его ожидание. Я слышал от одного учёного человека, что движение солнца, луны и звезд и есть время, но я с этим не согласен. Почему тогда не считать временем движение всех тел? Когда тело начинает двигаться, то я временем измеряю, как долго оно находилось в движении. И если я не видел, с какого времени тело начало двигаться, а оно движения не прекращало, и я тоже не увидел, когда оно остановилось, то я не могу

измерить продолжительности движения. А раз движение тела - это одно, а то, чем измеряется длительность этого движения, — другое, то не ясно ли, чему скорее следует дать название времени? В тебе, душа моя, я измеряю время. Впечатление от проходящего мимо остаётся в тебе, и его-то, сейчас существующее, я измеряю, а не то, что прошло и его оставило. Вот где, следовательно, время или же я времени не измеряю.

Августин Аврелий. Исповедь. М.: Канон, 2000. Кн. 11-12, С. 208-259.

1. Какой проблеме посвящена 11 глава «Исповеди»?
2. Почему христианский Бог создает мир «из ничего»?
3. Чем человек-творец отличается от Бога-творца?
4. Почему бессмысленно спрашивать что было тогда, когда не было мира?
5. Найдите в тексте определения и разведите между собой понятия времени и вечности.
6. Если ли сходство у времени и вечности?
7. Почему с точки зрения Августина неправильно говорить о существовании трех миров (настоящего, прошлого и будущего)?
8. Как вы понимаете слова Августина «в тебе душа моя я измеряю время»?
9. Почему Августин затрудняется дать определение времени?

Задание 2. Текст.

Фома Аквинский (1225/26-1274), выдающийся философ европейского средневековья, идеолог католической церкви, родоначальник философского направления томизма. В молодые годы вступил в орден доминиканцев и посвятил себя духовному служению. После смерти Фоме Аквинскому был присвоен титул «ангельский доктор», а в 1323 году он был причислен католической церковью к лику святых. В двух своих фундаментальных трудах «Сумма теологии» и «Сумма философии» Фома Аквинский попытался систематизировать современные ему воззрения на все стороны человеческого бытия и духа,

[Теология и наука]

Для спасения человеческого было необходимо, чтобы сверх философских дисциплин, которые основываются на человеческом разуме, существовала некоторая наука, основанная на божественном откровении; это было необходимо прежде всего потому, что человек соотнесен с Богом как с некоторой своей целью.... Отсюда следует, что человеку необходимо для своего спасения знать нечто такое, что ускользает от его разума, через божественное откровение... Хотя человек не обязан испытывать разумом то, что превышает возможности человеческого познания, однако же, то, что преподано Богом в откровении, следует принять на веру...

Эта наука (теология) может взять нечто от философских дисциплин, но не потому, что испытывает в этом необходимость, а лишь ради большей доходчивости преподаваемых ею положений. Ведь основоположения свои она заимствует не от других наук, а непосредственно от Бога через откровение. И само то обстоятельство, что она всё-таки прибегает к ним, проистекает не от её недостаточности или неполноты, но лишь от недостаточности нашей способности понимания: последнюю легче вести от тех предметов, которые открыты естественному разуму, источнику прочих наук, к тем предметам, которые превыше разума и о которых трактует наша наука.

[Доказательства бытия Бога]

Бытие Божие может быть доказано пятью путями. Первый и наиболее очевидный путь исходит из понятия движения. В самом деле, не подлежит сомнению и подтверждается показаниями чувств, что в этом мире нечто движется. Но всё, что движется, имеет причиной своего движения нечто иное: ведь оно движется лишь потому, что находится в потенциальном состоянии относительно того, к чему оно движется. Следовательно, коль скоро движущий предмет и сам движется, его движет еще один предмет, и так далее. Но невозможно, чтобы так продолжалось до бесконечности....

Следовательно, необходимо дойти до некоторого перводвигателя, который сам не движим ничем иным; а под ним все разумеют Бога.

Второй путь исходит из понятия производящей причины. В самом деле, мы обнаруживаем в чувственных вещах последовательность производящих причин; однако не обнаруживается и невозможен такой случай, чтобы вещь была своей собственной производящей причиной; тогда она предшествовала бы самой себе, что невозможно. Но если ряд производящих причин уходил бы в бесконечность, отсутствовала бы первичная производящая причина; а в таком случае отсутствовали бы и конечное следствие, и промежуточные производящие причины, что очевидным образом ложно. Следовательно, необходимо положить некоторую первичную производящую причину, каковую все именуют Богом.

Третий путь исходит из понятий возможности и необходимости и сводится к следующему. Мы обнаруживаем среди вещей такие, для которых возможно и быть, и не быть; обнаруживается, что они возникают и гибнут. Но для вещей такого рода невозможно вечное бытие; коль скоро нечто может перейти в небытие, оно когда-нибудь перейдет в него. Итак, если бы не было ничего сущего, невозможно было бы, чтобы что-либо перешло в бытие, и потому ничего не было бы, что очевидным образом ложно. Итак, не всё сущее случайно, но в мире должно быть нечто необходимое... Поэтому необходимо положить некую необходимую сущность, необходимую саму по себе, не имеющую внешней причины своей необходимости, но саму составляющую причину необходимости всех иных; по общему мнению, это есть Бог.

Четвертый путь исходит из различных степеней, которые обнаруживаются в вещах. Мы находим среди вещей более или менее совершенные, или истинные, или благородные... Но о большей или меньшей степени говорят в том случае, когда имеется различная приближённость к некоторому пределу. Итак, есть нечто, в предельной степени обладающее истиной, и совершенством, и благородством, а, следовательно, и бытием.

Отсюда следует, что есть некоторая сущность, являющаяся для всех сущностей причиной блага и всяческого совершенства; и её мы именуем Богом.

Пятый путь исходит из распорядка природы. Мы убеждаемся, что предметы, лишённые разума, каковы природные тела, подчиняются целесообразности. Отсюда следует, что они достигают цели не случайно, но будучи руководимы сознательной волей. Следовательно, есть разумное существо, полагающее цель для всего, что происходит в природе; и его мы именуем Богом.

Задание 3. Контрольный тест.

1. Хронологические рамки средневековой философии:

а) V-XV вв.;	в) VII-XIV вв.;
б) I-II вв. – XIV-XV вв.;	г) VI в. – XIV в.

2. Что такое теология?

а) учение о Боге;	в) учение о Логосе;
б) родословие богов;	г) учение о человеке.

3. В философии Средневековья преобладает:

а) космоцентризм;	в) теоцентризм;
б) социоцентризм;	г) антропоцентризм.

4. Что такое экзегеза:

- а) объяснение, истолкование древних текстов, в особенности Библии;
- б) учение о силах и о производимых ими движениях;
- в) искусство совершенствования памяти, облегчения запоминания текстов;
- г) сверхчувственное знание о будущих событиях, предсказание тех событий, которые, по утверждению предсказателя, предопределены.

5. Геоцентризм – это:

- а) принцип, в соответствии с которым Бог из ничего сотворил живую и неживую природу.
- б) система взглядов, в соответствии с которой всеми мировыми событиями управляет божественное провидение.
- в) понимание мира, в котором источником и причиной всего сущего выступает Бог.
- г) учение, признающее «жизнь» неотъемлемым свойством первичной субстанции и отвергающее границу между «живым» и «неживым».

6. В средневековой философии особенно была актуальна проблема:

- а) первоначала;
- б) универсалий;
- в) универсального метода познания;
- г) субстанции.

7. Задачей философов-апологетов было:

- а) систематизировать христианское вероучение;
- б) сформулировать основные христианские догматы;
- в) дать ответ на вопрос о смысле жизни;
- г) защитить христианство от нападок со стороны язычников.

8. Патристика – это:

- а) определенный тип философствования, при котором средствами человеческого разума пытаются обосновать принятые на веру идеи и формулы;
- б) совокупность теолого-философских взглядов «отцов церкви», которые взялись за обоснование христианства;
- в) мистическое богопознание;
- г) бесплодное умствование; формальное знание, оторванное от жизни.

9. Философом периода патристики, автором знаменитой «Исповеди» и произведения «О граде Божием», сторонником крайнего фатализма и концепции «непрерывного творения» был:

- а) Фома Аквинский;
- б) Ансельм Кентерберийский;
- в) Аврелий Августин Блаженный;
- г) Пьер Абеляр.

10. Кто из средневековых философов является автором следующих строк: «Что же такое время? Что обыкновеннее бывает у нас предметом разговора, как не время? Если никто меня об этом не спрашивает, я знаю что такое время, если бы я захотел объяснить спрашивающему – нет, не знаю. Между тем вполне сознаю, что если бы ничего не проходило, то не было бы прошлого, если бы ничего не приходило, не было бы будущего времени; если бы ничего не было, то не было бы и настоящего».

- а) Тертуллиан;
- б) Августин Блаженный;
- в) Василий Великий;
- г) Фома Аквинский.

11. В качестве философского фундамента теологии Аврелий Августин Блаженный избрал:

- а) учение Аристотеля;
- б) учение Эпикура;
- в) учение Платона и неоплатоников;
- г) учение Демокрита.

12. Символ веры – это:

- а) учение, согласно которому мир находится в Боге;
- б) учение Фомы Аквинского;
- в) краткий свод главных догматов, которые составляют основу христианского вероучения;
- г) религиозные идеи, которые считались отклонением от общепринятого (ортодоксального) понимания тех или иных вопросов в христианском вероучении.

13. Схоластика возникла с целью:

- а) разработать Символ веры;
- б) исправить труды «отцов церкви»;
- в) упорядочить и сделать доступной христианскую догматику;
- г) перевести труды Платона и Аристотеля.

14. Представители реализма в средние века считали, что:

- а) подлинной реальностью обладают не единичные вещи, а только общие понятия (универсалии), существующие вне сознания, независимо от него и материального мира.
- б) универсалии не обладают самостоятельной реальностью, реально существуют лишь материальные вещи, но при этом универсалии получают некоторую реальность в сфере ума.
- в) объективно, реально существуют только «единичные вещи», а общие понятия (универсалии) – есть ни что иное, как наименования, имена, обозначающие вещи и существующие только в языке.
- г) нет ничего в разуме, чего первоначально не было бы в чувствах.

15. Номинализм – это:

- а) направление в средневековой схоластике, признававшее объективную реальность общих понятий – универсалий, существующих независимо от отдельных вещей.
- б) направление средневековой философии, согласно которому общие понятия являются лишь именами единичных предметов.
- в) философское учение, отрицающее познаваемость объективного мира и объективное значение истины.
- г) учение, признающее «жизнь» неотъемлемым свойством первичной субстанции и отвергающее границу между «живым» и «неживым».

16. Пять доказательств бытия Божия разработал:

- а) Иоанн Скот Эриугена;
- б) Пьер Абеляр;
- в) Фома Аквинский;
- г) Филон Александрийский.

17. Кому из средневековых философов после смерти был присвоен титул «ангельский доктор»?

- а) Боэцию;
- б) Фоме Аквинскому;
- в) Тертуллиану;
- г) Пьеру Абеляру.

18. Кому принадлежит ставший знаменитым принцип, который формулируется так: «Сущности не следует умножать без необходимости» или «то, что можно объяснить посредством меньшего, не следует выражать посредством большего»:

- а) Аврелию Августину;
- б) Фоме Аквинскому;
- в) Уильяму Оккаму;
- г) Пьеру Абеляру.

19. Томизм – это:

- а) одно из самых влиятельных философских течений поздней античности;
- б) политический режим, при котором государство стремится к полному контролю над всеми сторонами общественной жизни;
- в) философия Фомы Аквинского и его последователей;
- г) учение о господстве случая во Вселенной.

20. Кто из средневековых философов ставил проблему времени следующим образом: «Почему мир не был сотворен раньше? Да потому, что никакого «раньше» не было. Время было сотворено тогда, когда был сотворен мир».

- а) Майстер Экхарт;
- б) Аврелий Августин;
- в) Уильям Оккам;
- г) Тертуллиан.

21. Кто из средневековых схоластов предложил компромиссный вариант решения проблемы универсалий, суть которого заключалась в том, что он утверждал, что Универсалии не обладают самостоятельной реальностью, реально существуют лишь материальные вещи, но при этом универсалии получают некоторую реальность в сфере ума, то есть в единичных предметах все есть нечто общее, а именно концепт (смысл):

- а) Фома Аквинский;
- б) Уильям Оккам;
- в) Пьер Абеляр;
- г) Боэций.

22. Первым философом, который использовал метод аллегорического толкования и пытался создать синтез греческой философии и библейской теологии был:

- а) Филон Александрийский;
- б) Ориген Александрийский;
- в) Юстин Мученик;
- г) Григорий Нисский.

23. Учение какого античного философа Фоме Аквинскому удалось приспособить к учению католической церкви:

- а) Платона;
- б) Плотина;
- в) Аристотеля;
- г) Сенеки.

24. Суть проблемы теодицеи в средневековой философии заключалась в том, чтобы:

- а) объяснить сотворение Богом мира и человека за короткий промежуток времени из ничего;
- б) ответить на вопрос: «Почему Бог вочеловечился?»
- в) истолковать Бога как личность, сотворившую конечный мир из своей добровольной склонности;
- г) оправдать Бога за существование зла в мире.

Тема 5. Философия эпохи Возрождения

Задание 1. Текст. Прочитайте опыт М. Монтеня «О том, что философствовать – это учиться умирать» и ответьте на вопросы:

Цицерон говорит, что философствовать – это не что иное, как приуготовлять себя к смерти. И это тем более верно, ибо исследование и размышление влекут нашу душу за пределы нашего бренного «я», отрывают ее от тела, а это и есть некое предвосхищение и подобие смерти; короче говоря, вся мудрость и все рассуждения в нашем мире сводятся, в конечном итоге, к тому, чтобы научить нас не бояться смерти.

Все в этом мире твердо убеждены, что наша конечная цель – удовольствие, и спор идет лишь о том, каким образом достигнуть его; противоположное мнение было бы тотчас отвергнуто, ибо кто стал бы слушать человека, утверждающего, что цель наших усилий – наши бедствия и страдания?

...погоня за всеми известными нам удовольствиями сама по себе вызывает в нас приятное чувство. Само стремление порождает в нас желанный образ, а ведь в нем содержится добрая доля того, к чему должны привести наши действия, и представление о вещи едино с ее образом по своей сущности. Блаженство и счастье, которыми светится добродетель, заливают ярким сиянием все имеющее к ней отношение, начиная с преддверия и кончая последним ее пределом. И одно из главнейших благодеяний ее – презрение к смерти; оно придает нашей жизни спокойствие и безмятежность, оно позволяет вкушать ее чистые и мирные радости; когда же этого нет – отравлены и все прочие наслаждения.

...что касается смерти, то она неизбежна. Из чего следует, что если она внушает нам страх, то это является вечным источником наших мучений, облегчить которые невозможно. Она подкрадывается к нам отовсюду.

Конечная точка нашего жизненного пути – это смерть, предел наших стремлений, и если она вселяет в нас ужас, то можно ли сделать хотя бы один-единственный шаг, не дрожа при этом, как в лихорадке? Лекарство, применяемое невежественными людьми – вовсе не думать о ней. Но какая животная тупость нужна для того, чтобы обладать такой слепотой!

Но было бы настоящим безумием питать надежды, что таким путем можно перейти в иной мир. Люди снуют взад и вперед, топчутся на одном месте, пляшут, а смерти нет и в помине. Все хорошо, все как нельзя лучше. Но если она нагрянет, – к ним ли самим или к их женам, детям, друзьям, захватив их врасплох, беззащитными, – какие мучения, какие вопли, какая ярость и какое отчаянье сразу овладевают ими! Видели ли вы кого-нибудь таким же подавленным, настолько же изменившимся, настолько смятенным? Следовало бы поразмыслить об этих вещах заранее. А такая животная беззаботность, – если только она возможна у сколько-нибудь мыслящего человека (по-моему, она совершенно невозможна) – заставляет нас слишком дорогою ценой покупать ее блага. Если бы смерть была подобна врагу, от которого можно убежать, я посоветовал бы воспользоваться этим оружием трусов. Но так как от нее ускользнуть невозможно, ибо она одинаково настигает беглеца, будь он плут или честный человек, и так как даже наилучшая броня от нее не обережет, авайте научимся встречать ее грудью и вступать с нею в единоборство. И, чтобы отнять у нее главный козырь, выберем путь, прямо противоположный обычному. Лишим ее загадочности, присмотримся к ней, приучимся к ней, размышляя о ней чаще, нежели о чем-либо другом. Будемте всюду и всегда вызывать в себе ее образ и притом во всех возможных ее облициях. Благодаря этому мы окрепнем, сделаемся более стойкими. Посреди празднества, в разгар веселья пусть неизменно звучит в наших ушах все тот же припев, напоминающий о нашем уделе; не будем позволять удовольствиям захватывать нас настолько, чтобы время от времени у нас не мелькала мысль: как наша веселость непрочна, будучи постоянно мишенью для смерти, и каким только неожиданным ударам ни

подвержена наша жизнь! Так поступали египтяне, у которых был обычай вносить в торжественную залу, наряду с самыми лучшими яствами и напитками, мумию какого-нибудь покойника, чтобы она служила напоминанием для пирующих.

Неизвестно, где поджидает нас смерть; так будем же ожидать ее всюду. Размышлять о смерти – значит размышлять о свободе. Кто научился умирать, тот научился быть рабом. Готовность умереть избавляет нас от всякого подчинения и принуждения. И нет в жизни зла для того, кто постиг, что потерять жизнь – не зло. Когда к Павлу Эмилию явился посланец от несчастного царя македонского, его пленника, передавший просьбу последнего не принуждать его идти за триумфальной колесницей, тот ответил: «Пусть обратится с этой просьбой к себе самому».

...подобно также тому, как египтяне, по окончании пира, показывали присутствующим огромное изображение смерти, причем державший его восклицал: «Пей и возвеселись сердцем, ибо, когда умрешь, ты будешь таким же», так и я приучал себя не только думать о смерти, но и говорить о ней всегда и везде. И нет ничего, что в большей мере привлекало б меня, чем рассказы о смерти такого-то или такого-то; что они говорили при этом, каковы были их лица, как они держали себя; это же относится и к историческим сочинениям, в которых я особенно внимательно изучая места, где говорится о том же. Это видно хотя бы уже из обилия приводимых мною примеров и из того необычайного пристрастия, какое я питаю к подобным вещам. Если бы я был сочинителем книг, я составил бы сборник с описанием различных смертей, снабдив его комментариями. Кто учит людей умирать, тот учит их жить.

Какая бессмыслица огорчаться из-за перехода туда, где мы избавимся от каких бы то ни было огорчений!

Подобно тому как наше рождение принесло для нас рождение всего окружающего, так и смерть наша будет смертью всего окружающего. Поэтому столь же нелепо оплакивать, что через сотню лет нас не будет в живых, как то, что мы не жили за сто лет перед этим. Смерть одного есть начало жизни другого. Точно так же плакали мы, таких же усилий стоило нам вступить в эту жизнь, и так же, вступая в нее, срывали мы с себя свою прежнюю оболочку.

Не может быть тягостным то, что происходит один-единственный раз. Имеет ли смысл трепетать столь долгое время перед столь быстротекою вещью? Долго ли жить, мало ли жить, не все ли равно, раз и то и другое кончается смертью? Ибо для того, что больше не существует, нет ни долгого ни короткого. Аристотель рассказывает, что на реке Гипанис обитают крошечные насекомые, живущие не дольше одного дня. Те из них, которые умирают в восемь часов утра, умирают совсем юными; умирающие в пять часов вечера умирают в преклонном возрасте. Кто же из нас не рассмеялся бы, если б при нем назвали тех и других счастливыми или несчастными, учитывая срок их жизни? Почти то же и с нашим веком, если мы сравним его с вечностью или с продолжительностью существования гор, рек, небесных светил, деревьев и даже некоторых животных.

Впрочем, природа не дает нам зажитья. Она говорит: «Уходите из этого мира так же, как вы вступили в него. Такой же переход, какой некогда бесстрастно и безболезненно совершили вы от смерти к жизни, совершите теперь от жизни к смерти. Ваша смерть есть одно из звеньев управляющего вселенной порядка; она звено мировой жизни.

Где бы ни окончилась ваша жизнь, там ей и конец. Мера жизни не в ее длительности, а в том, как вы использовали ее: иной прожил долго, да пожил мало, не мешкайте, пока пребываете здесь. Ваша воля, а не количество прожитых лет определяет продолжительность вашей жизни. Неужели вы думали, что никогда так и не доберетесь туда, куда идете, не останавливаясь? Да есть ли такая дорога, у которой не было бы конца? И если вы можете найти утешение в доброй компании то не идет ли весь мир той же стезею, что вы?

Что пользы пятиться перед тем, от чего вам все равно не уйти? Вы видели многих, кто умер в самое время, ибо избавился, благодаря этому, от великих несчастий. Но видели

ли вы хоть кого-нибудь, кому бы смерть причинила их? Не очень-то умно осуждать то, что не испытано вами, ни на себе, ни на другом. Почему же ты жалуешься и на меня и на свою участь? Разве мы несправедливы к тебе? Кому же надлежит управлять: нам ли тобою или тебе нами? Еще до завершения сроков твоих, жизнь твоя уже завершилась. Маленький человечек такой же цельный человек, как и большой.

Вдумайтесь хорошенько в то, что называют вечной жизнью, и вы поймете, насколько она была бы для человека более тягостной и нестерпимой, чем та, что я даровала ему. Если бы у вас не было смерти, вы без конца осыпали б меня проклятиями за то, что я вас лишила ее. Я сознательно подмешала к ней чуточку горечи, дабы, принимая во внимание доступность ее, воспрепятствовать вам слишком жадно и безрассудно устремляться навстречу ей. Чтобы привить вам ту умеренность, которой я от вас требую, а именно, чтобы вы не отвращались от жизни и вместе с тем не бежали от смерти, я сделала и ту и другую наполовину сладостными и наполовину скорбными.

Я внушила Фалесу, первому из ваших мудрецов, ту мысль, что жить и умирать – это одно и то же. И когда кто-то спросил его, почему же, в таком случае, он все-таки не умирает, он весьма мудро ответил: «Именно потому, что это одно и то же.

Вода, земля, воздух, огонь и другое, из чего сложено мое здание, суть в такой же мере орудия твоей жизни, как и орудия твоей смерти. К чему страшиться тебе последнего дня? Он лишь в такой же мере способствует твоей смерти, как и все прочие. Последний шаг не есть причина усталости, он лишь дает ее почувствовать. Все дни твоей жизни ведут тебя к смерти; последний только подводит к ней». Таковы благие наставления нашей родительницы-природы.

1. Какой проблеме посвящен опыт Монтеня? Как бы вы ее сформулировали?
2. Как Монтень предлагает относиться к смерти?
3. Какие рациональные доводы приводит автор, чтобы не бояться смерти?
Приведите примеры из текста.
4. Почему Монтень утверждает, что тот, кто учит людей умирать, тот учит их жить?
5. Почему жить и умирать есть одно и то же?

Задание 2. Контрольный тест.

1. Хронологические рамки философии эпохи Возрождения:

а) XIV-XVI вв.;	в) II – XV вв.;
б) X-XV вв.;	г) XIII-XVIII вв.

2. В центре философии эпохи Возрождения оказался:

а) социум;	в) Бог;
б) Космос;	г) человек.

3. В эпоху Возрождения крайне популярными становятся труды:

а) Сенеки, Эпиктета, Марка Аврелия;	в) Ксенофана, Эмпедокла, Парменида;
б) Гермеса Трисмегиста, Орфея, Зороастра;	г) Августина Блаженного, Фомы Аквинского.

4. Кому из философов Возрождения принадлежат сочинения: «О причине, начале и едином» и «О бесконечности Вселенной и мирах»:

а) Н. Кузанскому;	в) Бруно Дж.;
б) М. де Монтеню;	г) Платону.

5. Что такое пантеизм:

- а) признание первичности материи по отношению к сознанию;
- б) признание того, что разум – главное орудие познания;
- в) всебожие – признание присутствия Бога во всей природе;
- г) многобожие, религия основанная на вере во многих богов.

- 17.** Основными положениями теории Коперника являются:
- а) геоцентризм, неподвижность Земли и конечность мира;
 - б) деизм, объяснение происхождения мироздания общими законами движения материи и идея старения Земли с физической точки зрения;
 - в) пантеизм, отсутствие центра, бесконечность Вселенной и существование множества миров;
 - г) гелиоцентризм, неподвижность небесного свода, подвижность и шарообразность Земли.
- 18.** Кто из философов и ученых Возрождения решая проблему соотношения веры и разума приходит к выводу, что наука и вера несоизмеримы, каждая из них занимается своим делом и на этом основании они сосуществуют. Наука говорит нам «как перемещается небо», а вера – «как попасть на небо»:
- а) Г. Галилей;
 - б) Н. Кузанский;
 - в) Дж. Бруно;
 - г) Н. Коперник.
- 19.** Основными особенностями философии эпохи Возрождения были:
- а) космоцентризм, связь философии с наукой;
 - б) связь философии с мифологией, интровертность;
 - в) теоцентризм, союз философии и религии, ретроспективность;
 - г) антропоцентризм, гуманизм, пантеизм.
- 20.** Создателями социальных утопий в эпоху Возрождения были:
- а) Платон и Аристотель;
 - б) Ф. Бэкон и Д. Юм;
 - в) Т. Мор и Т. Кампанелла;
 - г) Локк Дж. И Беркли.
- 21.** Авторами средневековой картины мира были:
- а) Пифагор, Платон и Птолемей;
 - б) У. Оккам, Платон и Пифагор;
 - в) Фома Аквинский, Августин Блаженный и Роджер Бэкон;
 - г) Евклид, Аристотель и Птолемей.
- 22.** Философом эпохи Возрождения, стоявшим на позиции натуралистического пантеизма, согласно которому деперсонализированный Бог погружен в природу, а Вселенная едина и не сотворена был...
- а) Кузанский Н.;
 - б) Бруно Дж.;
 - в) Спиноза Б.;
 - г) Гегель.
- 23.** Философы Возрождения решали проблему соотношения Бога и мира с позиции...
- а) неоплатонизма;
 - б) рационализма;
 - в) схоластики;
 - г) деизма.
- 24.** Отстаивая идею об особом статусе главы государства, стоящего вне системы обывательской морали, Н. Макиавелли становится родоначальником такого социально-политического течения как...
- а) реальная политика;
 - б) авторитаризм;
 - в) плутократия;
 - г) сравнительная политология.
- 25.** Образ идеального государства, выстроенного в соответствии с ценностными ориентирами гуманизма и расположенного в «месте, которого нет», был создан философом...
- а) Т. Мором;
 - б) К. Кастанедой;
 - в) Платоном;
 - г) Н. Макиавелли.
- 26.** Николай Кузанский, утверждая, что «у творческой деятельности человека нет другой конечной цели, кроме человека», отстаивает позицию...
- а) антропоцентризма;
 - б) креационизма;
 - в) телеологизма;
 - г) фатализма.
- 27.** Представителем позднего французского Ренессанса, выступившим против отождествления человека с земным богом, был философ...
- а) М. Монтень;
 - б) Н. Кузанский;
 - в) Ш. Монтескье;
 - г) Ф. Петрарка.
- 28.** Высшим благом для человека, с точки зрения гуманизма эпохи Возрождения, является...
- а) удовольствие, счастье;
 - б) смирение с судьбой;
 - в) спасение души;
 - г) нравственное совершенствование.

Задание 3. Напишите эссе на цитату возрожденческого мыслителя:

«...только человек обладает таким совершенством, что сначала властвует над самим собой, чего не делает ни одно животное, затем заведует семьей, руководит государством, правит народами, повелевает целым светом».

Марселио Фечино Платоновское богословие

Какое понимание человека дает М. Фечино?

Тема 6. Философия Нового времени.

Задание 1. Текст. Прочитайте текст мыслителя XVII века.

Фрэнсис Бэкон (1561-1626) – английский философ, основатель материализма и методологии экспериментирующей, опытной науки Нового времени. Ф. Бэкон был сыном одного из высших чиновников английского государства. После окончания Кембриджского университета сам прошел ряд высоких государственных должностей, вплоть до лорд-канцлера. После смерти отца как младший сын не получил никакого наследства и пробивал дорогу в жизни своим трудом. Во время научного опыта простудился и вскоре умер.

Основное произведение – «Новый Органон» (1620) – часть задуманного, но не завершённого труда «Великое Восстановление Наук».

II. Ни голая рука, ни предоставленный самому себе разум не имеют большой силы. Дело совершается орудиями и вспоможениями, которые не меньше нужны разуму, чем руке. И как орудия руки дают или направляют движение, так и умственные орудия дают разуму указания или предостерегают его.

III. Знание и могущество человека совпадают, ибо незнание причины затрудняет действие...

XXXIX. Есть четыре вида призраков, которые осаждают умы людей. Назовем первый вид призраков призраками рода, второй призраками пещеры, третий – призраками рынка и четвертый – призраками театра.

XL. Построение понятий и аксиом через истинную индукцию есть, несомненно, подлинное средство для того, чтобы отвратить и удалить призраки. Но и перечисление призраков многому служит. Учение о призраках представляет собой то же для истолкования природы, что и учение об опровержении софизмов для общепринятой логики.

XLI. Призраки рода находят своё основание в самой природе человека. Ибо ложно утверждать, что чувство человека есть мера вещей. Наоборот, все восприятия, как чувства, так и ума относятся к человеку, а не к миру. Ум

ЧЕЛОВЕКА УПОДОБЛЯЕТСЯ НЕРОВНОМУ ЗЕРКАЛУ, КОТОРОЕ, ПРИМЕШИВАЯ К ПРИРОДЕ ВЕЩЕЙ СВОЮ ПРИРОДУ, ОТРАЖАЕТ ВЕЩИ В ИСКРИВЛЕННОМ И ОБЕЗОБРАЖЕННОМ ВИДЕ.

XLII. ПРИЗРАКИ ПЕЩЕРЫ СУТЬ ЗАБЛУЖДЕНИЯ ОТДЕЛЬНОГО ЧЕЛОВЕКА. ВЕДЬ У КАЖДОГО, ПОМИМО ОШИБОК, СВОЙСТВЕННЫХ РОДУ ЧЕЛОВЕЧЕСКОМУ, ЕСТЬ СВОЯ ОСОБАЯ ПЕЩЕРА, КОТОРАЯ РАЗБИВАЕТ И ИСКАЖАЕТ СВЕТ ПРИРОДЫ. ПРОИСХОДИТ ЭТО ИЛИ ОТ ОСОБЫХ ПРИРОЖДЕННЫХ СВОЙСТВ КАЖДОГО, ИЛИ ОТ ВОСПИТАНИЯ И БЕСЕД С ДРУГИМИ, ИЛИ ОТ ЧТЕНИЯ КНИГ,... ИЛИ ВСЛЕДСТВИЕ РАЗНИЦЫ ВО ВПЕЧАТЛЕНИЯХ... ВОТ ПОЧЕМУ ГЕРАКЛИТ ПРАВИЛЬНО СКАЗАЛ, ЧТО ЛЮДИ ИЩУТ ЗНАНИЙ В МАЛЫХ МИРАХ, А НЕ В БОЛЬШОМ ИЛИ ОБЩЕМ МИРЕ.

XLIII. СУЩЕСТВУЮТ ЕЩЕ ПРИЗРАКИ, КОТОРЫЕ ПРОИСТЕКАЮТ КАК БЫ ИЗ ВЗАИМНОЙ СВЯЗАННОСТИ И СООБЩЕСТВА ЛЮДЕЙ. ЭТИ ПРИЗРАКИ МЫ НАЗЫВАЕМ... ПРИЗРАКАМИ РЫНКА. ЛЮДИ ОБЪЕДИНЯЮТСЯ РЕЧЬЮ. СЛОВА ЖЕ УСТАНАВЛИВАЮТСЯ СОГЛАСНО РАЗУМЕНИЮ ТОЛПЫ. СЛОВА ПРЯМО НАСИЛЮЮТ РАЗУМ, СМЕШИВАЮТ ВСЁ И ВЕДУТ ЛЮДЕЙ К ПУСТЫМ И БЕСЧИСЛЕННЫМ СПОРАМ И ТОЛКОВАНИЯМ.

XLIV. СУЩЕСТВУЮТ, НАКОНЕЦ, ПРИЗРАКИ, КОТОРЫЕ ВСЕЛИЛИСЬ В ДУШИ ЛЮДЕЙ ИЗ РАЗНЫХ ДОГМАТОВ ФИЛОСОФИИ, А ТАКЖЕ ИЗ ПРЕВРАТНЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ. ИХ МЫ НАЗЫВАЕМ ПРИЗРАКАМИ ТЕАТРА, ИБО МЫ СЧИТАЕМ, ЧТО СКОЛЬКО ЕСТЬ ПРИНЯТЫХ И ИЗОБРЕТЁННЫХ ФИЛОСОФСКИХ СИСТЕМ, СТОЛЬКО ПОСТАВЛЕНО И СЫГРАНО КОМЕДИЙ, ПРЕДСТАВЛЯЮЩИХ ВЫМЫШЛЕННЫЕ И ИСКУССТВЕННЫЕ МИРЫ. ПРИ ЭТОМ МЫ РАЗУМЕЕМ ЗДЕСЬ НЕ ТОЛЬКО ОБЩИЕ ФИЛОСОФСКИЕ УЧЕНИЯ, НО И МНОГОЧИСЛЕННЫЕ НАЧАЛА И АКСИОМЫ НАУК, КОТОРЫЕ ПОЛУЧИЛИ СИЛУ ВСЛЕДСТВИЕ ПРЕДАНИЯ, ВЕРЫ, НЕБРЕЖЕНИЯ.

LXVIII. ИТАК, МЫ СКАЗАЛИ ОБ ОТДЕЛЬНЫХ ВИДАХ ПРИЗРАКОВ И ОБ ИХ ПРОЯВЛЕНИЯХ. ВСЕ ОНИ ДОЛЖНЫ БЫТЬ ОПРОВЕРГНУТЫ И ОТБРОШЕНЫ ТВЕРДЫМ И ТОРЖЕСТВЕННЫМ РЕШЕНИЕМ, И РАЗУМ ДОЛЖЕН БЫТЬ ПОЛНОСТЬЮ ОСВОБОЖДЕН И ОЧИЩЕН ОТ НИХ. ПУСТЬ ВХОД В ЦАРСТВО ЧЕЛОВЕКА, ОСНОВАННОЕ НА НАУКАХ, БУДЕТ ПОЧТИ ТАКИМ ЖЕ, КАК ВХОД В ЦАРСТВО НЕБЕСНОЕ, КУДА НИКОМУ НЕ ДАНО ВОЙТИ, НЕ УПОДОБИВШИСЬ ДЕТАМ.

LXX. САМОЕ ЛУЧШЕЕ ИЗ ВСЕХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ЕСТЬ ОПЫТ. ТОТ СПОСОБ ПОЛЬЗОВАНИЯ ОПЫТОМ, КОТОРЫЙ ЛЮДИ ПРИМЕНЯЮТ, СЛЕП И БЕССМЫСЛЕН. И ПОТОМУ, ЧТО ОНИ БРОДЯТ И БЛУЖДАЮТ БЕЗ ВСЯКОЙ ВЕРНОЙ ДОРОГИ И РУКОВОДСТВУЮТСЯ ТОЛЬКО ТЕМИ ВЕЩАМИ, КОТОРЫЕ ПОПАДАЮТСЯ НАВСТРЕЧУ, ОНИ ОБРАЩАЮТСЯ КО МНОГОМУ, НО МАЛО ПОДВИГАЮТСЯ ВПЕРЕД... БОГ В ПЕРВЫЙ ДЕНЬ ТВОРЕНИЯ СОЗДАЛ ТОЛЬКО СВЕТ, ОТДАВ ЭТОМУ ДЕЛУ ЦЕЛЫЙ ДЕНЬ И НЕ СОТВОРИВ В ЭТОТ ДЕНЬ НИЧЕГО МАТЕРИАЛЬНОГО. ПОДОБНЫМ ЖЕ ОБРАЗОМ ПРЕЖДЕ ВСЕГО ДОЛЖНО ИЗ МНОГООБРАЗНОГО ОПЫТА ИЗВЛЕКАТЬ ОТКРЫТИЕ ИСТИННЫХ ПРИЧИН И АКСИОМ; И ДОЛЖНО СВЕТОНОСНЫХ,

А НЕ ПЛОДОНОСНЫХ ОПЫТОВ. ПРАВИЛЬНО ЖЕ ОТКРЫТЫЕ И УСТАНОВЛЕННЫЕ АКСИОМЫ
ВООРУЖАЮТ ПРАКТИКУ НЕ ПОВЕРХНОСТНО, А ГЛУБОКО И ВЛЕКУТ ЗА СОБОЙ
МНОГОЧИСЛЕННЫЕ РЯДЫ ПРАКТИЧЕСКИХ ПРИЛОЖЕНИЙ.

Задание 2. Контрольный тест.

1. Родоначальником рационализма в философии Нового времени является:

- а) Декарт Р.;
- б) Спиноза Б.;
- в) Юм Д.;
- г) Платон.

2. Ф. Бэкон является основателем:

- а) рационализма;
- б) неотомизма;
- в) агностицизма;
- г) эмпиризма.

3. Для кого из философов Нового времени источником человеческого познания является чувственный опыт:

- а) Бекона Ф.;
- б) Сократа;
- в) Декарта Р.;
- г) Тертуллиана.

4. То, что существует благодаря самому себе и в самом себе, а не благодаря другому и в другом и не зависит ни от чего другого, философы называют:

- а) атрибутом;
- б) причиной;
- в) субстанцией;
- г) субстратом.

5. Кто из философов Нового времени решая проблему субстанции занял позиции дуализма и деизма, считая, что в основе мира лежат две независимые субстанции – материя и дух, но абсолютной субстанцией является только Бог:

- а) Лейбниц Г.;
- б) Паскаль Б.;
- в) Декарт Р.;
- г) Юм Д.

6. Кто из философов Нового времени различает четыре вида заблуждений или «идолов», которые засоряют сознание людей на пути познания ?

- а) Шопенгауэр А.;
- б) Беркли Дж.;
- в) Кант И.;
- г) Бэкон Ф.

7. Кто из философов Нового времени стремился излагать основные принципы своей философии в строгой форме геометрических аксиом и теорем, считая геометрию образцом достоверности и научной доказательности?

- а) Спиноза Б.;
- б) Августин Блаженный;
- в) Юм Д.;
- г) Паскаль Б.

8. Что такое деизм?

- а) религиозно-этическое учение, проповедующее смирение, покорность, созерцательное, пассивное отношение к действительности, полное подчинение божественной воле;
- б) учение, признающее Бога творцом мира, но отвергающее его участие в жизни природы и общества;
- в) направление в философии, согласно которому объекты познания не существуют независимо от сознания, а формируются познавательными усилиями в ходе решения практических задач;
- г) религиозно-философское учение, считающее бога абсолютной бесконечной личностью, стоящей над миром и человеком.

9. Положение о том, что не вера и молитва, «знание – сила» разрабатывались в эпоху:

- а) Нового времени;
- б) Античности;
- в) Средних веков;
- г) Новейшего времени.

10. Кому из философов Нового времени принадлежит следующее утверждение:

«...По этой причине я решил, что следует искать другой метод...Первое – никогда не принимать за истинное ничего, что я не признал бы таковым с очевидностью, т. е. тщательно избегать

поспешности и предубеждения включать в свои суждения только то, что представляется своему уму столь ясно и отчетливо, что никоим образом не сможет дать повод к сомнению...»

- а) Канту И.;
- б) Юму Д.;
- в) Декарту Р.;
- г) Гегелю Г.

11. Основные философские сочинения Спинозы Б.:

- а) «Рассуждение о методе» и «Начала философии»;
- б) «Мысли» и «Письма к провинциалу»;
- в) «Богословско-политический трактат» и «Этика»;
- г) «Исповедь» и «О Граде Божиим».

12. Кому из философов Нового времени принадлежит следующее высказывание: *«Монада, о которой мы будем здесь говорить, есть ни что иное как простая субстанция, которая входит в состав сложных; простая – значит не имеющая частей».*

- а) Лейбниц Г.;
- б) Юм Д.;
- в) Гегель Г.;
- г) Бэкон Ф.

13. Антиклерикализм – это:

- а) движение, направленное против привилегий церкви и духовенства, но не против самой религии;
- б) освобождение от церковного влияния;
- в) направление широко использующее религию и церковь для усиления воздействия на все сферы общественной жизни;
- г) форма неограниченной власти, для которой характерны произвол и беззаконие относительно членов общества и его социальных институтов.

14. Кто из философов Нового времени решая проблему субстанции занял позицию онтологического плюрализма, признавая существование множества независимых и несводимых друг к другу духовных видов бытия:

- а) Бэкон Ф.;
- б) Спиноза Б.;
- в) Лейбниц Г.;
- г) Паскаль Б.

15. Кому из философов Нового времени принадлежит сочинение «Рассуждение о методе»:

- а) Бекону Ф.;
- б) Декарту Р.;
- в) Гоббсу Т.;
- г) Канту И.

16. Кто из философов Нового времени является автором следующих строк:

«Каждая монада необходимо должна быть отлична от другой. Ибо никогда не бывает в природе двух существ, которые были бы совершенно одно как другое и в которых нельзя было бы найти различия внутреннего, или же основанного на внутреннем определении».

- а) Спиноза Б.;
- б) Лейбниц;
- в) Конт О.;
- г) Декарт Р.

17. Деление философов на эмпириков и рационалистов типично для эпохи:

- а) Средневековья;
- б) Новейшего времени;
- в) Античности;
- г) Нового времени.

18. Кому из философов Нового времени принадлежат следующие строки:

«Есть четыре вида призраков, которые осаждают умы людей. Назовем первый вид призраков призраками рода, второй призраками пещеры, третий – призраками рынка и четвертый – призраками театра».

- а) Декарту Р.;
- б) Бэкону Ф.;
- в) Гегелю Г.;
- г) Канту И.

19. Лейбниц является представителем:

- а) эмпиризма;
- б) рационализма;
- в) агностицизма;
- г) сенсуализма.

20. В знаменитом споре 17 века о том, существует ли у человека врожденное знание, эта группа философов заняла следующую позицию: врожденных идей нет, все знание рождается в опыте и из

опыта; «душа» (или разум) человека при рождении есть *«tabula rasa»* («чистая дощечка»). Этими философами были:

- а) томисты; в) эмпиристы;
б) рационалисты; г) оптимисты.

21. Ф. Бэкон разработал метод познания: а) индукция; в) диалектика;
б) дедукция; г) метафизика;

22. Кто из представителей философии Нового времени, будучи одновременно математиком, физиком и религиозным философом написал о человеке следующие строки: *«Человек – всего лишь тростник, слабейшее из творений природы, но он – тростник мыслящий. Чтобы его уничтожить, вовсе не надо всей Вселенной: достаточно дуновения ветра, капли воды»:*

- а) Гегель Г.; в) Паскаль Б.;
б) Бэкон Ф.; г) Лейбниц Г.

23. Единственным методом познания Декарт Р. считал:

- а) индукцию; в) дедукцию;
б) диалектику; г) синергетику.

24. Декарт Р. считал, что критерием истины является:

- а) практика; в) ясность и отчетливость;
б) польза, успех; г) принцип верификации.

25. Кто из философов Нового времени является автором знаменитого аргумента в пользу религиозной веры, который звучит следующим образом: *«Взвесим выигрыш и проигрыш, ставя на то, что Бог есть, если Вы выиграете, то выиграете всё, если проиграете, то не проиграете ничего. Поэтому не колеблясь ставьте на то, что Бог есть»:*

- а) Декарт Р.; в) Кант И.;
б) Лейбниц Г.; г) Паскаль Б.

26. Учение о монадах или Монадологию создал:

- а) Декарт Р.; в) Лейбниц Г.
б) Юм Д.; г) Ньютон И.

27. При решении проблемы субстанции этот философ занял позицию монизма и пантеизма, им был:

- а) Спиноза Б.; в) Декарт Р.;
б) Лейбниц Г.; г) Паскаль Б.

28. Монизм, дуализм, плюрализм как философские концепции бытия оформились:

- а) в Средние века; в) в Новое время;
б) в эпоху Возрождения; г) в Античности.

29. В философии Нового времени актуальными проблемами были:

- а) проблема соотношения веры и разума, проблема универсалий;
б) проблема поиска универсального метода познания, проблема субстанции;
в) проблема спасения и поиска смысла жизни;
г) проблема поиска первоначала и этические проблемы.

Задание 3. Творческое задание. Напишите эссе.

3.1. «Философские выводы суть не что иное, как систематизированные и исправленные размышления обыденной жизни» Д. Юм Прокомментируйте высказывание.

3.2. Д. Юм утверждал, что вопрос о существовании внешнего мира, независимо от человеческого сознания, никогда не может быть решен, т.к. уму никогда не дано реально ничего, кроме его восприятий, и он никоим образом не в состоянии произвести какой бы то ни было опыт относительно соотношения между восприятиями и объектами, т.к. результатом такого опыта будет только новое восприятие. Приведите контрдоводы.

3.3. «Человек человеку волк». (Т. Гоббс)

Какая философская модель человека и общества представлена в данном высказывании?

Тема 7. Немецкая классическая философия

Задание 1. Текст. Прочитайте отрывок из работы Л. Фейербаха «Сущность христианства» и ответьте на вопросы:

1. О каких двух видах сознания говорит Фейербах?
2. В чем Фейербах видит принципиальное отличие сознания человека от сознания животных?
3. Что такое сущность человека? Сначала определить философский смысл понятия «сущность».
4. Что такое самосознание и рефлексия?
5. Что такое объективация и какую роль этот процесс играет в появлении религии?
6. Какие причины возникновения религии указывает Фейербах?
7. Почему Фейербах считает, что «противоположность между божественным и человеческим – это только иллюзия»?
8. Кого Фейербах предлагает считать подлинным атеистом?
9. В чем суть антропологического материализма Фейербаха?

Л. Фейербах Сущность христианства

Религия коренится в существенном отличии человека от животного: у животных нет религии. В чем же заключается это существенное отличие человека от животного? Самый простой, самый общий и вместе с тем самый обычный ответ на этот вопрос: в сознании в строгом смысле этого слова; ибо сознание в смысле самоощущения, в смысле способности чувственного различения в смысле восприятия и даже распознавания внешних вещей по определенным явным признакам свойственно и животным. Сознание в самом строгом смысле имеется лишь там, где субъект способен понять свой род, свою сущность. Животное сознает себя как индивид, почему оно и обладает самоощущением, – а не как род, так как ему недостает сознания, происходящего от слова «знание». Сознание нераздельно со способностью к науке. Наука – это сознание рода. В жизни мы имеем дело с индивидами, в науке – с родом. Только то существо, предметом познания которого является его род, его сущность, может познавать сущность и природу других предметов и существ.

Поэтому животное живет единой, простой, а человек двойной жизнью. Внутренняя жизнь животного совпадает с внешней, а человек живет внешней и особой внутренней жизнью. Внутренняя жизнь человека тесно связана с его родом, с его сущностью, человек мыслит, то есть беседует, говорит с самим собой. Животное не может отправлять функций рода без другого индивида, а человек отправляет функции мышления и слова – ибо мышление и слово суть настоящие функции рода, без помощи другого. Человек одновременно и "Я" и «ты»; он может стать на место другого именно потому, что объектом его сознания служит не только его индивидуальность, но и его род, его сущность.

Сущность человека в отличие от животного составляет не только основу, но и предмет религии. Но религия есть сознание бесконечного, и поэтому человек познает в ней свою не конечную и ограниченную, а бесконечную сущность. Доподлинно конечное существо не может иметь о бесконечном существе ни малейшего представления, не говоря уже о сознании, потому что предел существа является одновременно пределом сознания.

Сознание в строгом или собственном смысле слова и сознание бесконечного совпадают; ограниченное сознание не есть сознание; сознание по существу всеобъемлюще, бесконечно. Сознание бесконечного есть не что иное, как сознание бесконечности сознания. Иначе говоря, в сознании бесконечного сознание обращено на бесконечность собственного существа.

Но в чем же заключается сущность человека, сознаваемая им? Каковы отличительные признаки истинно человеческого в человеке? Разум, воля и сердце. Совершенный человек обладает силой мышления, силой воли и силой чувства. Сила мышления есть свет познания, сила воли – энергия характера, сила чувства – любовь. Разум, любовь и сила воли – это совершенства. В воле, мышлении и чувстве заключается высшая, абсолютная сущность человека, как такового, и цель его существования. Человек существует, чтобы познавать, любить и хотеть. Но какова цель разума? – разум. Любви? – Любовь. Воли? – Свобода воли. Мы познаем, чтобы познавать, любим, чтобы любить, хотим, чтобы хотеть, то есть быть свободными. Подлинное существо есть существо мыслящее, любящее, наделённое волей. Истинно совершенно, божественно только то, что существует ради себя самого. Таковы любовь, разум и воля. Божественная «троица» проявляется в человеке и даже над индивидуальным человеком в виде единства разума, любви и воли. Нельзя сказать, чтобы разум (воображение, фантазия, представление, мнение), воля и любовь были силами, принадлежащими человеку, так как он без них – ничто, и то, что он есть, он есть только благодаря им. Они составляют коренные элементы, обосновывающие его сущность, не являющуюся ни его непосредственным достоянием, ни продуктом. Это силы, оживотворяющие, определяющие, господствующие, это божественные, абсолютные силы, которым человек не может противостоять.

Бездушный материалист говорит: «Человек отличается от животного только сознанием; он – животное, но такое, которое обладает сознанием». Он не принимает, таким образом, во внимание, что в существе, в котором пробудилось сознание, происходит качественное изменение всей его сущности.

Объект человека есть не что иное, как его же объективная сущность. Бог человека таков, таковы его мысли и намерения. Ценность бога не превышает ценности человека. Сознание бога есть самосознание человека, познание бога – самопознание человека. О человеке можно судить по богу и о боге – по человеку. Они тождественны, божество человека заключается в его духе и сердце, а дух, душа и сердце человека обнаруживаются в его боге. Бог есть откровение внутренней сути человека, выражение его "Я"; религия есть торжественное раскрытие тайных сокровищ человека, признание его сокровенных помыслов, открытое исповедание его тайн любви.

Если религия, сознание бога, и характеризуется как самосознание человека, то это ещё не значит, будто религиозный человек непосредственно сознает, что его сознание бога влечет за собой сознание своей сущности, – ведь отсутствие этого сознания является отличительным признаком религии. Во избежание недоразумения мы лучше скажем: религия есть первое и к тому же косвенное самосознание человека. Поэтому религия всегда предшествует философии не только в истории человечества, но и в истории личности. Прежде чем искать свою сущность в себе, человек полагает её вне себя. Свою собственную сущность он объективирует в качестве другой сущности. Религия – младенческая сущность человечества; но ребенок свою сущность, человека, рассматривает как нечто постороннее: человек, поскольку он ребенок, объективирует себя в качестве другого человека. Поэтому исторический прогресс религии заключается в том, что всё, казавшееся более ранней религии объективным, теперь кажется субъективным; то, что раньше считалось и почиталось божественным, ныне считается человеческим. Свою собственную сущность он объективирует в качестве другой сущности. Религия – младенческая сущность человечества; но ребенок свою сущность, человека, рассматривает как нечто постороннее: человек, поскольку он ребенок, объективирует себя в качестве другого человека.

Поэтому мы должны доказать, что противоположность между божественным и человеческим – только иллюзия, что она объясняется противоположностью человеческой сущности человеческому индивиду и что, следовательно, объект и содержание христианской религии есть нечто вполне человеческое.

Во всяком случае в христианской религии выражается отношение человека к самому себе, или, вернее, к своей сущности, которую он рассматривает как нечто постороннее. Божественная сущность – не что иное, как человеческая сущность, очищенная, освобождённая от индивидуальных границ, то есть от действительного, телесного человека, объективированная, то есть рассматриваемая и почитаемая в качестве посторонней, отдельной сущности. Поэтому все определения божественной сущности относятся и к сущности человеческой.

«Совершенство бога не что иное, как совершенства наших душ, но он обладает ими неограниченно... У нас есть известные способности, известное познание, известная доброта, но у бога всё это совершенно» (Лейбниц, Теодицея, предисловие). «Всё, что характеризует человеческую душу, свойственно и божественному существу. Всё, что устранено из бога, не составляет также существенных определений души» (св. Григорий Нисский, *De aima. Lips, 1837, p.42*). «Поэтому из всех наук самая ценная и важная – самопознание, ибо кто познал самого себя, познал и бога» (Климент Александрийский, *Paedag, lib. III, c. 1*).

Когда человек приходит к сознанию, что божественные свойства суть только антропоморфизмы, то есть человеческие представления, у него закрадывается сомнение, неверие. Если это сознание не влечет за собой полного отрицания свойств, а затем и субъекта, которому их приписывают, то это объясняется лишь малодушием и слабостью мышления. Сомневаясь в объективной истинности этих свойств, ты не можешь не сомневаться в объективной истинности субъекта, которого ими наделяют. Если эти свойства антропоморфизмы, то и субъект их также антропоморфизм.

Ты приписываешь богу любовь, потому что любишь сам, ты находишь бога мудрым и благим, потому что считаешь доброту и рассудок своими высшими качествами, ты веришь в то, что бог существует, что он субъект или существо, потому что сам ты существуешь, сам ты – существо, – ведь все, что существует, есть существо, независимо от того, рассматривается ли оно как субстанция, личность или как-нибудь иначе. Ты считаешь любовь, доброту и мудрость высшим человеческим состоянием, а бытие – высшим счастьем; сознание всякой действительности, всякого счастья связано в тебе с сознанием сущностного бытия, существования. Для тебя бог существует, он – существо, по тому же самому, почему ты считаешь его мудрым, блаженным, добрым. Различие между божественными свойствами и божественным существом заключается в том, что существо, существование не кажутся тебе антропоморфизмом, потому что в том, что ты – существо, заключена необходимость бога, как существующего, как существа, а свойства кажутся тебе антропоморфизмами, потому что они (бог мудр, благ, справедлив и так далее) являются не непосредственной, тождественной с человеческим бытием необходимостью, а лишь необходимостью, обусловленной самосознанием, деятельностью мышления.

Уверенность в бытии бога, которое, по свидетельству многих, кажется человеку более достоверным, чем его собственное существование, не есть нечто непосредственное: она обуславливается уверенностью в качествах бога. Христианин уверен в существовании только христианского, язычник – в существовании только языческого бога.

Сомневаться в существовании своего бога – значит сомневаться в себе самом.

Подлинным атеистом, то есть атеистом в обычном смысле, надо считать не того, для кого божественный субъект – ничто, а того, кто отрицает божественные предикаты, как то: любовь, мудрость, справедливость. Отрицание субъекта не есть отрицание предикатов самих по себе. Они имеют собственное, самостоятельное значение: человек необходимо должен признавать их в силу их содержания, их подлинность заключается непосредственно в них самих; они действительно обнаруживают себя. Призрачность или подлинность доброты, справедливости, мудрости не зависит от призрачности или подлинности существования божия. Понятие бога обуславливается понятием справедливости, благодати, мудрости; бог не благой, не справедливый, не мудрый не есть

бог, а не наоборот. Качество божественно не потому, что оно свойственно богу, а, напротив, оно свойственно богу, потому что божественно само по себе, потому что без него бог был бы существом несовершенным.

Человек, особенно религиозный человек, есть мера всех вещей, всякой реальности. Он возводит на степень божества все, что ему импонирует, все, что производит особенное впечатление на его душу, будь то даже странный, необъяснимый звук. Религия охватывает все предметы в мире; все существующее было предметом религиозного почитания. Сущность и сознание религии исчерпывается тем, что заключается в сущности человека, его сознании и самосознании. У религии нет собственного, особого содержания. Римляне сооружали храмы даже в честь таких эффектов, как страх и ужас. Христиане тоже превращали душевные явления в существа, чувства – в качества вещей, и свои аффекты в страсти, господствующие над миром, одним словом, превращали свойства своей собственной, известной или неизвестной, сущности в самостоятельные существа. Черти, домовые, ведьмы, привидения, ангелы были священной истиной до тех пор, пока религиозное чувство целиком, нераздельно владело человечеством.

Почему это свойство есть свойство божие? Потому что оно божественной природы, то есть выражает нечто неограниченное, совершенное. Почему те или другие свойства божественны? Потому что они, несмотря на кажущееся различие, имеют одну общую черту: все они выражают совершенство, неограниченность. Таким образом, я могу представить себе бесконечное множество божественных свойств, потому что все они совпадают в отвлеченном представлении о боге и общей их чертой является то, что делает божественным каждое отдельное свойство.

Мы доказали, что субъект, или сущность, сводится к его определениям, то есть что предикат есть истинный субъект; поэтому если божественные предикаты суть человеческие свойства, то и субъект, обладающий ими, также человеческого происхождения. Божественные предикаты разделяются на общие и личные. К общим свойствам относятся метафизические, которые служат только внешней связью религии и не сообщают ей определенного характера. Только личные свойства составляют сущность религии и характеризуют существо божие как объект религии. К таким предикатам относятся, например, следующие: бог есть личность, нравственный законодатель, отец людей, святой, справедливый, благой, милосердный. Но из этих и других свойств очевидно, что они в качестве личных свойств являются чисто человеческими свойствами. Следовательно, в отношении религиозного человека к богу выражается его отношение к своей собственной сущности.

Человек приписывает богу то, что он отрицает в себе. Религия отвлекается от человека и от мира, но она может абстрагировать только от действительных или воображаемых, недостаточных или ограниченных, ничтожных явлений, а не от сущности и не от положительных свойств мира и человечества.

Таким образом, религия снова бессознательно приписывает богу все то, что она сознательно отрицает, разумеется, в том случае, если она отрицает что-нибудь существенное, истинное, чего поэтому нельзя отрицать. В религии человек отрицает свой разум: из себя он ничего не знает о боге, его мысли носят светский, земной характер: он может только верить в божественное откровение. Но зато богу свойственны земные, человеческие помыслы; он строит планы, подобно человеку, приспособляется к обстоятельствам и умственным способностям людей, как учитель к своим ученикам, точно рассчитывает эффект своих благодеяний и откровений; наблюдает за всеми действиями и поступками человека и знает все, даже самое земное, самое пошлое, самое дурное. Одним словом, человек отрицает ради божества свое знание, свое мышление, но зато приписывает это знание, это мышление богу. Человек отрекается от своей личности и вместо этого считает личным существом всемогущего, неограниченного бога; он отказывается от человеческого достоинства, от человеческого я и в то же время бог кажется ему себялюбивым, эгоистичным существом, которое ищет во всем личного

удовлетворения, личных почестей, личной выгоды. Отсюда вытекает самоудовлетворение бога, враждебное всему остальному, и его самонаслаждение эгоизмом. Религия отнимает, далее, у человека все хорошие качества: человек зол, испорчен, неспособен творить добро, но зато бог только благ; бог – благое существо.

Кто приписывает богу человеческий образ действий, тот считает человеческую деятельность божественной; тот говорит: бог, недействительный в смысле моральном или человеческом, не есть бог, и, таким образом, связывает понятие бога с понятием деятельности, и именно человеческой, потому что высшей деятельности он не знает.

Человек – и в этом заключается тайна религии, – объективирует свою сущность и делает себя предметом этой объективированной сущности, превратившейся в субъект, и личность, он относится к себе как к объекту, но как к объекту другого объекта, другого существа. Так и здесь. Человек есть объект бога. Богу не безразлично, хорош ли человек или дурен. Религиозное, первичное самообъективирование человека нужно, впрочем, – это ясно высказано в этой книге, – отличать от самообъективирования рефлексии и умозрения. Последнее произвольно, тогда как первое непроизвольно, необходимо, – необходимо в такой же мере, как искусство, как язык.

Задание 2. Контрольный тест

1. Кто из представителей Немецкой Классической философии совершил «коперниканский» переворот в философии?
а) Гоббс Т. ;
б) Гегель Г. В. ;
в) Кант И. ;
г) Коперник Н.
2. Выделите понимание пространства и времени И. Кантом:
а) пространство и время есть особые, самостоятельные природные реальности;
б) пространство и время являются всеобщими свойствами бытия всех материальных систем и процессов;
в) пространство и время есть априорные формы чувственности познающего субъекта;
г) пространство и время есть порождение духовного внечеловеческого начала.
3. И. Кант считал, что человек – это:
а) существо принадлежащее двум мирам: миру природной необходимости и миру нравственной свободы;
б) вечный, абсолютный дух;
в) политическое животное;
г) образ и подобие Бога.
4. В философии кого из представителей Немецкой классической философии триада выполняет не только методологическую функцию, но и функцию системосозидающую. Это не только содержательный принцип, или закон логики, но и способ построения системы ?
а) Фихте И. ;
б) Декарта Р. ;
в) Гегеля Г. ;
г) Куна Т.
5. Кому из представителей Немецкой классической философии принадлежит следующее высказывание: *«Что разумно, то действительно и что действительно, то разумно. Этого убеждения придерживается каждое не испорченное умствованиями сознание...и из этого убеждения исходит философия в своем рассмотрении как духовного, так и природного универсума».*?
а) Декарту Р. ;
б) Гегелю Г. ;
в) Канту И. ;
г) Фихте И.
6. Какие три этапа включает в себя процесс познания по Канту?
а) восприятие, суждение, умозаключение;
б) чувственный опыт, рассудок, разум;
в) ощущение, восприятие, представление;
г) суждение, умозаключение, восприятие.
7. «Сущность христианства» написана:
а) Шеллингом В. ;
б) Кантом И. ;
в) Фейербахом Л. ;
г) Декартом Р.

8. Позиция агностицизма представлена в учении:

- а) Декарта Р.;
- б) Канта И.;
- в) Аристотеля;
- г) Бэкона Ф.

9. Кому из представителей Немецкой классической философии принадлежат эти строки: *Мы должны на место любви к Богу поставить любовь к человеку, как единственную истинную религию, на место веры в Бога – веру человека в самого себя, в свою собственную силу, веру в то, что судьба человечества зависит не от существа, вне его или над ним стоящего, а от него самого.*

- а) Канту И.;
- б) Фейербаху Л.;
- в) Шопенгауэру А.;
- г) Гегелю Г.

10. Кто из представителей Немецкой классической философии является создателем системы абсолютного идеализма и диалектической логики - метода разумного постижения мира:

- а) Фейербах Л.;
- б) Гегель Г.;
- в) Шопенгауэр А.;
- г) Кант О.

11. Характерными чертами теории познания Канта являются:

- а) эмпиризм, деизм;
- б) агностицизм, априоризм, дуализм;
- в) рационализм, монизм;
- г) плюрализм, сенсуализм.

12. Кому из представителей Немецкой классической философии принадлежит следующее высказывание: *«Мое учение или воззрение может быть поэтому выражено в двух словах: природа и человек. С моей точки зрения, существо, предшествующее человеку, существо, являющееся причиной или основой человека, называется не бог – мистическое, неопределенное, многозначительное слово, а природа. Существо же, в котором природа делается личным, сознательным, разумным существом, есть и называется у меня – человек».*

- а) Канту И.;
- б) Декарту Р.;
- в) Фейербаху Л.;
- г) Платону.

13. Философское творчество какого немецкого философа принято делить на два периода: «докритический» и «критический»?

- а) Платона;
- б) Хайдеггера М.;
- в) Декарта Р.;
- г) Канта И.

14. Кто из представителей Немецкой классической философии называл свою систему «новой философией» или «философией будущего»:

- а) Фихте И.;
- б) Кант И.;
- в) Фейербах Л.;
- г) Маркс К.

15. Что такое агностицизм?

- а) философское направление, признающее чувственное восприятие основной или главной формой человеческого познания;
- б) религиозное учение о сотворении мира и человека Богом из ничего;
- в) гносеологическая концепция, отрицающая (полностью или частично) возможность объективного познания мира человеком;
- г) этическая теория, признающая наслаждение (того или иного характера) высшим благом и целью человеческой жизни.

16. Хронологические рамки Немецкой классической философии:

- а) X-XV вв.;
- б) кон. XVIII – сер. XIX в.;
- в) сер. II-кон. XIV в.;
- г) кон. XVII – сер. XIX в.

17. Философская система Канта состоит из трех частей:

- а) логики, этики, эстетики;
- б) онтологии, философии природы и этики;
- в) гносеологии, этики, эстетики, объединенной с учением о целесообразности в природе;
- г) логики (онтологии), натурфилософии и философии духа.

Тема 8. Современная западная философия

Задание 1. Текст

Прочитайте статью Ж.-П. Сартра «Экзистенциализм – это гуманизм». Найдите основные экзистенциалы человеческого бытия.

Я хотел бы выступить здесь в защиту экзистенциализма от ряда упреков, высказанных в адрес этого учения. Прежде всего, экзистенциализм обвиняют в том, будто он призывает погрузиться в квиетизм отчаяния: раз никакая проблема вообще не разрешима, то не может быть и никакой возможности действия в мире; в конечном итоге это созерцательная философия, а поскольку созерцание – роскошь, то мы вновь приходим к буржуазной философии. Таковы главным образом обвинения со стороны коммунистов. С другой стороны, нас обвиняют в том, что мы подчеркиваем человеческую низость, показываем всюду гнусное, темное, липкое и пренебрегаем многим приятным и красивым, отворачиваемся от светлой стороны человеческой природы. Так, например, критик, стоящий на позициях католицизма, – г-жа Мерсье обвиняла нас в том, что мы забыли об улыбке ребенка. Те и другие упрекают нас в том, что мы забыли о солидарности людей, смотрим на человека как на изолированное существо; и это следствие того, что мы исходим, как заявляют коммунисты, из чистой субъективности, из картезианского "я мыслю", то есть опять-таки из такого момента, когда человек постигает себя в одиночестве, и это будто бы отрезает нам путь к солидарности с людьми, которые находятся вовне и которых нельзя постичь посредством *cogito*. Со своей стороны христиане упрекают нас еще и в том, что мы отрицаем реальность и значение человеческих поступков, так как, уничтожая божественные заповеди и вечные ценности, не оставляем ничего, кроме произвола: всякому позволено поступать, как ему вздумается, и никто не может судить о взглядах и поступках других людей. На все эти обвинения я постараюсь здесь ответить, именно поэтому я и озаглавил эту небольшую работу "Экзистенциализм – это гуманизм". Многих, вероятно, удивит, что здесь говорится о гуманизме. Разберем, какой смысл мы в него вкладываем. В любом случае мы можем сказать с самого начала, что под экзистенциализмом мы понимаем такое учение, которое делает возможной человеческую жизнь и которое, кроме того, утверждает, что всякая истина и всякое действие предполагают некоторую среду и человеческую субъективность. Итак, что такое экзистенциализм? ...это исключительно строгое учение, меньше всего претендующее на скандальную известность и предназначенное прежде всего для специалистов и философов. Тем не менее можно легко дать ему определение.

Дело, впрочем, несколько осложняется тем, что существуют две разновидности экзистенциалистов: во-первых, это христианские экзистенциалисты, к которым я отношу Ясперса [2] и исповедующего католицизм Габриэля Марселя [3]; и, во-вторых, экзистенциалисты-атеисты, к которым относятся Хайдеггер [4] и французские экзистенциалисты [5], в том числе я сам. Тех и других объединяет лишь убеждение в том, что существование предшествует сущности, или, если хотите, что нужно исходить из субъекта. Как это, собственно, следует понимать?

Возьмем изготовленный человеческими руками предмет, например книгу или нож для разрезания бумаги. Он был сделан ремесленником, который руководствовался при его изготовлении определенным понятием, а именно понятием ножа, а также заранее известной техникой, которая предполагается этим понятием и есть, в сущности, рецепт изготовления. Таким образом, нож является предметом, который, с одной стороны, производится определенным способом, а с другой – приносит определенную пользу. Невозможно представить себе человека, который бы изготовлял этот нож, не зная, зачем он нужен. Следовательно, мы можем сказать, что у ножа его сущность, то есть сумма приемов и качеств, которые позволяют его изготовить и определить, предшествует его существованию. И это обуславливает наличие здесь, передо мной, данного ножа или

данной книги. В этом случае мы имеем дело с техническим взглядом на мир, согласно которому изготовление предшествует существованию.

Когда мы представляем себе бога-творца, то этот бог по большей части уподобляется своего рода ремесленнику высшего порядка. Какое бы учение мы ни взяли – будь то учение Декарта или Лейбница, – везде предполагается, что воля в большей или меньшей степени следует за разумом или, по крайней мере, ему сопутствует и что бог, когда творит, отлично себе представляет, что именно он творит. Таким образом, понятие "человек" в божественном разуме аналогично понятию "нож" в разуме ремесленника. И бог творит человека, сообразуясь с техникой и замыслом, точно так же, как ремесленник изготавливает нож в соответствии с его определением и техникой производства. Так же и индивид реализует какое-то понятие, содержащееся в божественном разуме.

В XVIII веке атеизм философов ликвидировал понятие бога, но не идею о том, что сущность предшествует существованию. Эту идею мы встречаем повсюду... Человек обладает некой человеческой природой. Эта человеческая природа, являющаяся "человеческим" понятием, имеется у всех людей. А это означает, что каждый отдельный человек – лишь частный случай общего понятия "человек". У Канта из этой всеобщности вытекает, что и житель лесов – естественный человек, и буржуа подводятся под одно определение, обладают одними и теми же основными качествами. Следовательно, и здесь сущность человека предшествует его историческому существованию, которое мы находим в природе.

Атеистический экзистенциализм, представителем которого являюсь я, более последователен. Он учит, что если даже бога нет, то есть по крайней мере одно бытие, у которого существование предшествует сущности, бытие, которое существует прежде, чем его можно определить каким-нибудь понятием, и этим бытием является человек, или, по Хайдеггеру, человеческая реальность. Что это означает "существование предшествует сущности"? Это означает, что человек сначала существует, встречается, появляется в мире, и только потом он определяется.

Для экзистенциалиста человек потому не поддается определению, что первоначально ничего собой не представляет. Человеком он становится лишь впоследствии, причем таким человеком, каким он сделает себя сам. Таким образом, нет никакой природы человека, как нет и бога, который бы ее задумал. Человек просто существует, и он не только такой, каким себя представляет, но такой, каким он хочет стать. И поскольку он представляет себя уже после того, как начинает существовать, и проявляет волю уже после того, как начинает существовать, и после этого порыва к существованию, то он есть лишь то, что сам из себя делает. Таков первый принцип экзистенциализма. Это и называется субъективностью, за которую нас упрекают. Но что мы хотим этим сказать, кроме того, что у человека достоинства больше, нежели у камня или стола? Ибо мы хотим сказать, что человек прежде всего существует, что человек – существо, которое устремлено к будущему и сознает, что оно проецирует себя в будущее. Человек – это прежде всего проект, который переживается субъективно, а не мох, не плесень и не цветная капуста. Ничто не существует до этого проекта, нет ничего на умопостигаемом небе, и человек станет таким, каков его проект бытия. Не таким, каким он пожелает. Под желанием мы обычно понимаем сознательное решение, которое у большинства людей появляется уже после того, как они из себя что-то сделали. Я могу иметь желание вступить в партию, написать книгу, жениться, однако все это лишь проявление более первоначального, более спонтанного выбора, чем тот, который обычно называют волей. Но если существование действительно предшествует сущности, то человек ответствен за то, что он есть. Таким образом, первым делом экзистенциализм отдает каждому человеку во владение его бытие и возлагает на него полную ответственность за существование.

Но когда мы говорим, что человек ответствен, то это не означает, что он ответствен только за свою индивидуальность. Он отвечает за всех людей. Слово "субъективизм"

имеет два смысла, и наши оппоненты пользуются этой двусмысленностью. Субъективизм означает, с одной стороны, что индивидуальный субъект сам себя выбирает, а с другой стороны – что человек не может выйти за пределы человеческой субъективности. Именно второй смысл и есть глубокий смысл экзистенциализма. Когда мы говорим, что человек сам себя выбирает, мы имеем в виду, что каждый из нас выбирает себя, но тем самым мы также хотим сказать, что, выбирая себя, мы выбираем всех людей. Действительно, нет ни одного нашего действия, которое, создавая из нас человека, каким мы хотели бы быть, не создавало бы в то же время образ человека, каким он, по нашим представлениям, должен быть. Выбрать себя так или иначе означает одновременно утверждать ценность того, что мы выбираем, так как мы ни в коем случае не можем выбирать зло. То, что мы выбираем, – всегда благо. Но ничто не может быть благом для нас, не являясь благом для всех. Если, с другой стороны, существование предшествует сущности и если мы хотим существовать, творя одновременно наш образ, то этот образ значим для всей нашей эпохи в целом. Таким образом, наша ответственность гораздо больше, чем мы могли бы предполагать, так как распространяется на все человечество. Я ответствен, таким образом, за себя самого и за всех и создаю определенный образ человека, который выбираю, выбирая себя, я выбираю человека вообще.

Это позволяет нам понять, что скрывается за столь громкими словами, как "тревога", "заброшенность", "отчаяние". Как вы увидите, в них заложен чрезвычайно простой смысл. Во-первых, что понимается под тревогой. Экзистенциалист охотно заявит, что человек – это тревога. А это означает, что человек, который на что-то решается и сознает, что выбирает не только свое собственное бытие, но что он еще и законодатель, выбирающий одновременно с собой и все человечество, не может избежать чувства полной и глубокой ответственности. Правда, многие не ведают никакой тревоги, но мы считаем, что эти люди прячут это чувство, бегут от него. Несомненно, многие люди полагают, что их действия касаются лишь их самих, а когда им говоришь: а что, если бы все так поступали? – они пожимают плечами и отвечают: но ведь все так не поступают. Однако на самом деле всегда следует спрашивать, а что бы произошло, если бы все так поступали? От этой беспокоящей мысли можно уйти, лишь проявив некоторую нечестность (*mauvaise foi*). Тот, кто лжет, оправдываясь тем, что все так поступают, – не в ладах с совестью, так как факт лжи означает, что лжи придается значение универсальной ценности. Тревога есть, даже если ее скрывают. Это та тревога, которую Кьеркегор [8] называл тревогой Авраама. Вы знаете эту историю. Ангел приказал Аврааму принести в жертву сына. Хорошо, если это на самом деле был ангел, который пришел и сказал: ты – Авраам и ты пожертвуешь своим сыном. Но каждый вправе спросить: действительно ли это ангел и действительно ли я Авраам? Где доказательства? Действительно ли я предназначен для того, чтобы навязать человечеству мою концепцию человека и мой выбор? У меня никогда не будет никакого доказательства, мне не будет дано никакого знамения, чтобы в этом убедиться. Если я услышу голос, то только мне решать, является ли он гласом ангела. Если я сочту данный поступок благим, то именно я, а не кто-то другой, решаю, что этот поступок благой, а не злой. Мне вовсе не обязательно быть Авраамом, и тем не менее, на каждом шагу я вынужден совершать поступки, служащие примером для других. Для каждого человека все происходит так, как будто взоры всего человечества обращены к нему и будто все сообразуют свои действия с его поступками. И каждый человек должен себе сказать: действительно ли я имею право действовать так, чтобы человечество брало пример с моих поступков? Если же он не говорит себе этого, значит, скрывает от себя свою тревогу. Это – тревога, известная всем, кто брал на себя какую-либо ответственность. Такая тревога знакома всем руководителям. Однако она не мешает им действовать, наоборот, составляет условие действия, так как предполагает, что рассматривается множество различных возможностей. И когда они выбирают одну, то понимают, что она имеет ценность именно потому, что она выбрана. Эта тревога, о которой толкует экзистенциализм, объясняется,

кроме того, прямой ответственностью за других людей. Это не барьер, отделяющий нас от действия, но часть самого действия.

Говоря о "заброшенности" (излюбленное выражение Хайдеггера), мы хотим сказать только то, что бога нет и что отсюда необходимо сделать все выводы. Экзистенциализм противостоит той распространенной светской морали, которая желает избавиться от бога с минимальными издержками. Когда около 1880 года некоторые французские профессора пытались выработать светскую мораль, они заявляли примерно следующее: "Бог – бесполезная и дорогостоящая гипотеза, и мы ее отбрасываем. Однако для того, чтобы существовала мораль, общество, мир культуры, необходимо, чтобы некоторые ценности принимались всерьез и считались существующими а priori. Необходимость быть честным, не лгать, не бить жену, иметь детей и т.д. и т.п. должна признаваться *априорно*. Следовательно, нужно еще немного поработать, чтобы показать, что ценности все же существуют как скрижали в умопостигаемом мире, даже если бога нет. Иначе говоря, ничто не меняется, если бога нет. Мы сохраним те же нормы честности, прогресса, гуманности; только бог превратится в устаревшую гипотезу, которая спокойно, сама собой отомрет. Экзистенциалисты, напротив, обеспокоены отсутствием бога, так как вместе с богом исчезает всякая возможность найти какие-либо ценности в умопостигаемом мире. Не может быть больше блага а priori, так как нет бесконечного и совершенного разума, который бы его мыслил. И нигде не записано, что благо существует, что нужно быть честным, что нельзя лгать; и это именно потому, что мы находимся на равнине, и на этой равнине живут одни только люди.

Достоевский как-то писал, что "если бога нет, то все дозволено". Это – исходный пункт экзистенциализма. В самом деле, все дозволено, если бога не существует, а потому человек заброшен, ему не на что опереться ни в себе, ни вовне. Прежде всего у него нет оправданий. Действительно, если существование предшествует сущности, то ссылкой на раз навсегда данную человеческую природу ничего нельзя объяснить. Иначе говоря, нет детерминизма, человек свободен, человек – это свобода.

С другой стороны, если бога нет, мы не имеем перед собой никаких моральных ценностей или предписаний, которые оправдывали бы наши поступки. Таким образом, ни за собой, ни перед собой – в светлом царстве ценностей – у нас не имеется ни оправданий, ни извинений. Мы одиноки, и нам нет извинений. Это и есть то, что я выражаю словами: человек осужден быть свободным. Осужден, потому что не сам себя создал, и все-таки свободен, потому что, однажды брошенный в мир, отвечает за все, что делает. Экзистенциалист не верит во всемогущие страсти. Он никогда не станет утверждать, что благородная страсть – это всепоглощающий поток, который неумолимо толкает человека на совершение определенных поступков и поэтому может служить извинением. Он полагает, что человек ответствен за свои страсти. Экзистенциалист не считает также, что человек может получить на Земле помощь в виде какого-то знака, данного ему как ориентир. По его мнению, человек сам расшифровывает знамения, причем так, как ему вздумается. Он считает, следовательно, что человек, не имея никакой поддержки и помощи, осужден всякий раз изобретать человека.

Но это означает, что человек заброшен. Чтобы пояснить на примере, что такое заброшенность, я сошлюсь на историю с одним из моих учеников, который пришел ко мне при следующих обстоятельствах. Его отец поссорился с его матерью; кроме того, отец склонялся к сотрудничеству с оккупантами. Старший брат был убит во время наступления немцев в 1940 году. И этот юноша с несколько примитивными, но благородными чувствами хотел за него отомстить. Мать, очень опечаленная полуизменой мужа и смертью старшего сына, видела в нем единственное утешение. Перед этим юношей стоял выбор: или уехать в Англию и поступить в вооруженные силы "Сражающейся Франции", что значило покинуть мать, или же остаться и помогать ей. Он хорошо понимал, что мать живет им одним и что его уход, а возможно и смерть, ввергнет ее в полное отчаяние. Вместе с тем, он сознавал, что в отношении матери каждое его действие имеет

положительный, конкретный результат в том смысле, что помогает ей жить, тогда как каждое его действие, предпринятое для того, чтобы отправиться сражаться, неопределенно, двусмысленно, может не оставить никакого следа и не принести ни малейшей пользы: например, по пути в Англию, проезжая через Испанию, он может на бесконечно долгое время застрять в каком-нибудь испанском лагере, может, приехав в Англию или в Алжир, попасть в штаб писарем. Следовательно, перед ним были два совершенно различных типа действия, либо конкретные и немедленные действия, но обращенные только к одному человеку, либо действия, направленные на несравненно более широкое общественное целое, на всю нацию, но именно по этой причине имеющие неопределенный, двусмысленный характер и, возможно, безрезультатные.

Одновременно он колебался между двумя типами морали. С одной стороны, мораль симпатии, личной преданности, с другой стороны, мораль более широкая, но, может быть, менее действенная. Нужно было выбрать одну из двух. Кто мог помочь ему сделать этот выбор? Христианское учение? Нет. Христианское учение говорит: будьте милосердны, любите ближнего, жертвуйте собою ради других, выбирайте самый трудный путь и т.д. и т.п. Но какой из этих путей самый трудный? Кого нужно возлюбить, как ближнего своего: воина или мать? Как принести больше пользы: сражаясь вместе с другими – польза не вполне определенная, или же – вполне определенная польза – помогая жить конкретному существу? Кто может решать здесь а priori? Никто. Никакая писаная мораль не может дать ответ. Кантианская мораль гласит: никогда не рассматривайте других людей как средство, но лишь как цель. Прекрасно. Если я останусь с матерью, я буду видеть в ней цель, а не средство. Но тем самым я рискую видеть средство в тех людях, которые сражаются. И наоборот, если я присоединюсь к сражающимся, то буду рассматривать их как цель, но тем самым рискую видеть средство в собственной матери.

Если ценности неопределенны и если все они слишком широки для того конкретного случая, который мы рассматриваем, нам остается довериться инстинктам. Это и попытался сделать молодой человек. Когда я встретился с ним, он сказал: "В сущности, главное – чувство. Мне следует выбрать то, что меня действительно толкает в определенном направлении. Если я почувствую, что достаточно люблю свою мать, чтобы пожертвовать ради нее всем остальным – жаждой мести, жадной действия, приключений, то я останусь с ней. Если же, наоборот, я почувствую, что моя любовь к матери недостаточна, тогда мне надо будет уехать". Но как определить значимость чувства? В чем значимость его чувства к матери? Именно в том, что он остается ради нее. Я могу сказать: "Я люблю своего приятеля достаточно сильно, чтобы пожертвовать ради него некоторой суммой денег". Но я могу сказать это лишь в том случае, если это уже сделано мною. Я могу сказать "Я достаточно люблю свою мать, чтобы остаться с ней", в том случае, если я с ней остался. Я могу установить значимость данного чувства лишь тогда, когда уже совершил поступок, который утверждает и определяет значимость чувства. Если же мне хочется, чтобы чувство оправдало мой поступок, я попадаю в порочный круг.

С другой стороны, как хорошо сказал Андре Жид, чувство, которое изображают, и чувство, которое испытывают, почти неразличимы. Решить, что я люблю свою мать, и остаться с ней или же разыграть комедию, будто я остаюсь ради матери, – почти одно и то же. Иначе говоря, чувство создается поступками, которые мы совершаем. Я не могу, следовательно, обратиться к чувству, чтобы им руководствоваться. А это значит, что я не могу ни искать в самом себе такое истинное состояние, которое побудило бы меня к действию, ни требовать от какой-либо морали, чтобы она предписала, как мне действовать. Однако, возразите вы, ведь он же обратился за советом к преподавателю. Дело в том, что, когда вы идете за советом, например, к священнику, значит, вы выбрали этого священника и, в сущности, вы уже более или менее представляли себе, что он вам посоветует. Иными словами, выбрать советчика – это опять-таки решиться на что-то самому. Обращаясь ко мне, он знал мой ответ, а я могу сказать только одно: вы свободны, выбирайте, то есть изобретайте.

Никакая всеобщая мораль вам не укажет, что нужно делать; в мире нет знамений. Католики возразят, что знамения есть. Допустим, что так, но и в этом случае я сам решаю, каков их смысл. В плену я познакомился с одним примечательным человеком, иезуитом, вступившим в орден следующим образом. Он немало натерпелся в жизни: его отец умер, оставив семью в бедности; он жил на стипендию, получаемую в церковном учебном заведении, и ему постоянно давали понять, что он принят туда из милости; он не получал многих почетных наград, которые так любят дети. Позже, примерно в 18 лет, он потерпел неудачу в любви и, наконец, в 22 года провалился с военной подготовкой – факт сам по себе пустяковый, но явившийся именно той каплей, которая переполнила чашу. Этот юноша мог, следовательно, считать себя полным неудачником. Это было знамение, но в чем заключался его смысл? Мой знакомый мог погрузиться в скорбь или отчаяние, но достаточно здраво рассудил, что это – знак, указывающий на то, что он не создан для успехов на мирском поприще, что ему назначены успехи в делах религии, святости, веры. Он увидел, следовательно, в этом перст божий и вступил в орден. Разве решение относительно смысла знамения не было принято им самим, совершенно самостоятельно? Из этого ряда неудач можно было сделать совсем другой вывод: например, что лучше стать плотником или революционером. Следовательно, он несет полную ответственность за истолкование знамения. Заброшенность предполагает, что мы сами выбираем наше бытие. Заброшенность приходит вместе с тревогой.

Что касается отчаяния, то этот термин имеет чрезвычайно простой смысл. Он означает, что мы будем принимать во внимание лишь то, что зависит от нашей воли, или ту сумму вероятностей, которые делают возможным наше действие. Когда чего-нибудь хотят, всегда присутствует элемент вероятности. Я могу рассчитывать на то, что ко мне придет друг. Этот друг придет на поезде или на трамвае. И это предполагает, что поезд прибудет в назначенное время, а трамвай не сойдет с рельсов. Я остаюсь в области возможного; но полагаться на возможность следует лишь настолько, насколько наше действие допускает всю совокупность возможностей. Как только рассматриваемые мною возможности перестают строго соответствовать моим действиям, я должен перестать ими интересоваться, потому что никакой бог и никакое провидение не могут приспособить мир и его возможности к моей воле. В сущности, когда Декарт писал: "Побеждать скорее самого себя, чем мир", то этим он хотел сказать то же самое: действовать без надежды. Марксисты, с которыми я разговаривал, возражали: "В ваших действиях, которые, очевидно, будут ограничены вашей смертью, вы можете рассчитывать на поддержку со стороны других людей. Это значит рассчитывать, во-первых, на то, что другие люди сделают для помощи вам в другом месте – в Китае, в России, и в то же время на то, что они сделают позже, после вашей смерти, для того чтобы продолжить ваши действия и довести их до завершения, то есть до революции. Вы даже должны на это рассчитывать, иначе вам нет морального оправдания". Я же на это отвечаю, что я всегда буду рассчитывать на товарищей по борьбе в той мере, в какой они участвуют вместе со мной в общей конкретной борьбе, связаны единством партии или группировки, действие которой я более или менее могу контролировать, – я состою в ней, и мне известно все, что в ней делается. И вот при таких условиях рассчитывать на единство и на волю этой партии – это все равно что рассчитывать на то, что трамвай придет вовремя или что поезд не сойдет с рельсов. Но я не могу рассчитывать на людей, которых не знаю, основываясь на вере в человеческую доброту или заинтересованность человека в общественном благе. Ведь человек свободен, и нет никакой человеческой природы, на которой я мог бы основывать свои расчеты. Действительность будет такой, какой ее определит сам человек.

Значит ли это, что я должен предаться бездействию? Нет. Сначала я должен решить, а затем действовать, руководствуясь старой формулой: "Нет нужды надеяться, чтобы что-то предпринять". Квиетизм – позиция людей, которые говорят: другие могут сделать то, чего не могу сделать я. Учение, которое я излагаю, прямо противоположно квиетизму, ибо оно утверждает, что реальность – в действии. Оно даже идет дальше и заявляет, что

человек есть не что иное, как его проект самого себя. Человек существует лишь настолько, насколько себя осуществляет. Он представляет собой, следовательно, не что иное, как совокупность своих поступков, не что иное, как собственную жизнь. Отсюда понятно, почему наше учение внушает ужас некоторым людям. Ведь у них зачастую нет иного способа переносить собственную несостоятельность, как с помощью рассуждения: "Обстоятельства были против меня, я стою гораздо большего. Правда, у меня не было большой любви или большой дружбы, но это только потому, что я не встретил мужчину или женщину, которые были бы их достойны. Я не написал хороших книг, но это потому, что у меня не было досуга. У меня не было детей, которым я мог бы себя посвятить, но это потому, что я не нашел человека, с которым мог бы пройти по жизни. Во мне, стало быть, остаются в целостности и сохранности множество неиспользованных способностей, склонностей и возможностей, которые придают мне значительно большую значимость, чем можно было бы судить только по моим поступкам". Однако в действительности, как считают экзистенциалисты, нет никакой любви, кроме той, что создает саму себя; нет никакой "возможной" любви, кроме той, которая в любви проявляется. Нет никакого гения, кроме того, который выражает себя в произведениях искусства. Гений Пруста – это произведения Пруста, Гений Расина – это ряд его трагедий, и кроме них ничего нет. Зачем говорить, что Расин мог бы написать еще одну трагедию, если он ее не написал? Человек живет своей жизнью, он создает свой облик, а вне этого облика ничего нет. Конечно, это может показаться жестоким для тех, кто не преуспел в жизни. Но, с другой стороны, надо, чтобы люди поняли, что в счет идет только реальность, что мечты, ожидания и надежды позволяют определить человека лишь как обманчивый сон, как рухнувшие надежды, как напрасные ожидания, то есть определить его отрицательно, а не положительно. Мы хотим лишь сказать, что человек есть не что иное, как ряд его поступков, что он есть сумма, организация, совокупность отношений, из которых составляются эти поступки.

И в таком случае нас упрекают, по существу, не за пессимизм, а за упрямый оптимизм. Если нам ставят в упрек наши литературные произведения, в которых мы описываем вялых, слабых, трусливых, а иногда даже явно дурных людей, так это не только потому, что эти существа вялые, слабые, трусливые или дурные. Если бы мы заявили, как Золя, что они таковы по причине своей наследственности, в результате воздействия среды, общества, в силу определенной органической или психической обусловленности, люди бы успокоились и сказали: "Да, мы таковы, и с этим ничего не поделаешь". Но экзистенциалист, описывая труса, полагает, что этот трус ответствен за собственную трусость. Он таков не потому, что у него трусливое сердце, легкие или мозг. Он таков не вследствие своей физиологической организации, но потому, что сам сделал себя трусом своими поступками. Не бывает трусливого темперамента. Темпераменты бывают нервическими, слабыми, как говорится, худосочными или полнокровными. Но слабый человек вовсе не обязательно трус, так как трусость возникает вследствие отречения или уступки. Темперамент – еще не действие. Трус определяется по совершенному поступку. То, что люди смутно чувствуют и что вызывает у них ужас, – это виновность самого труса в том, что он трус. Люди хотели бы, чтобы трусами или героями рождались.

Собственно говоря, люди именно так и хотели бы думать: если вы родились трусом, то можете быть совершенно спокойны – вы не в силах ничего изменить и останетесь трусом на всю жизнь, что бы вы ни делали. Если вы родились героем, то также можете быть совершенно спокойны – вы останетесь героем всю жизнь, будете пить как герой, есть как герой. Экзистенциалист же говорит: трус делает себя трусом и герой делает себя героем. Для труса всегда есть возможность больше не быть трусом, а для героя – перестать быть героем. Но в счет идет лишь полная решимость, а не частные случаи или отдельные действия – они не захватывают нас полностью.

Итак, мы, кажется, ответили на ряд обвинений. Как видите, экзистенциализм нельзя рассматривать ни как философию квиетизма, ибо экзистенциализм определяет человека

по его делам, ни как пессимистическое описание человека: на деле нет более оптимистического учения, поскольку судьба человека полагается в нем самом. Экзистенциализм – это не попытка отбить у человека охоту к действиям, ибо он говорит человеку, что надежда лишь в его действиях, и единственное, что позволяет человеку жить, – это действие. Следовательно, в этом плане мы имеем дело с моралью действия и решимости. Однако на этом основании нас упрекают также и в том, что мы замуровываем человека в индивидуальной субъективности. Но и здесь нас понимают превратно.

Действительно, наш исходный пункт – это субъективность индивида, он обусловлен и причинами чисто философского порядка. Не потому, что мы буржуа, а потому, что мы хотим иметь учение, основывающееся на истине, а не на ряде прекрасных теорий, которые обнадеживают, не имея под собой реального основания. В исходной точке не может быть никакой другой истины, кроме: "Я мыслю, следовательно, существую". Это абсолютная истина сознания, постигающего самое себя. Любая теория, берущая человека вне этого момента, в котором он постигает себя, есть теория, упраздняющая истину, поскольку вне картезианского *cogito* все предметы лишь вероятны, а учение о вероятностях, не опирающееся на истину, низвергается в пропасть небытия. Чтобы определять вероятное, нужно обладать истинным. Следовательно, для того чтобы существовала хоть какая-нибудь истина, нужна истина абсолютная. Абсолютная истина проста, легко достижима и доступна всем, она схватывается непосредственно. Далее, наша теория – единственная теория, придающая человеку достоинство, единственная теория, которая не делает из него объект. Всякий материализм ведет к рассмотрению людей, в том числе и себя самого, как предметов, то есть как совокупности определенных реакций, ничем не отличающейся от совокупности тех качеств и явлений, которые образуют стол, стул или камень. Что же касается нас, то мы именно и хотим создать царство человека как совокупность ценностей, отличную от материального царства. Но субъективность, постигаемая как истина, не является строго индивидуальной субъективностью, поскольку, как мы показали, в *cogito* человек открывает не только самого себя, но и других людей. В противоположность философии Декарта, в противоположность философии Канта, через "я мыслю" мы постигаем себя перед лицом другого, и другой так же достоверен для нас, как мы сами. Таким образом, человек, постигающий себя через *cogito*, непосредственно обнаруживает вместе с тем и всех других, и притом – как условие своего собственного существования. Он отдает себе отчет в том, что не может быть *каким-нибудь* (в том смысле, в каком про человека говорят, что он остроумен, зол или ревнив), если только другие не признают его таковым. Чтобы получить, какую-либо истину о себе, я должен пройти через другого. Другой необходим для моего существования, так же, впрочем, как и для моего самопознания. При этих условиях обнаружение моего внутреннего мира открывает мне в то же время и другого, как стоящую передо мной свободу, которая мыслит и желает "за" или "против" меня. Таким образом, открывается целый мир, который мы называем интересубъективностью. В этом мире человек и решает, чем является он и чем являются другие. Кроме того, если невозможно найти универсальную сущность, которая была бы человеческой природой, то все же существует некая общность условий человеческого существования. Не случайно современные мыслители чаще говорят об условиях человеческого существования, чем о человеческой природе. Под ними они понимают, с большей или меньшей степенью ясности, совокупность априорных пределов, которые очерчивают фундаментальную ситуацию человека в универсуме. Исторические ситуации меняются: человек может родиться рабом в языческом обществе, феодальным сеньором или пролетарием. Не изменяется лишь необходимость для него быть в мире, быть в нем за работой, быть в нем среди других и быть в нем смертным. Пределы не субъективны и не объективны, скорее, они имеют объективную и субъективную стороны. Объективны они потому, что встречаются повсюду и повсюду могут быть опознаны. Субъективны потому, что переживаемы, они ничего не представляют собой, если не пережиты человеком, который свободно определяет себя в

своем существовании по отношению к ним. И хотя проекты могут быть различными, ни один мне не чужд, потому что все они представляют собой попытку преодолеть пределы, или раздвинуть их, или не признать их, или приспособиться к ним. Следовательно, всякий проект, каким бы индивидуальным он ни был, обладает универсальной значимостью. Любой проект, будь то проект китайца, индейца или негра, может быть понят европейцем. Может быть понят – это значит, что европеец 1945 года может точно так же идти от постигнутой им ситуации к ее пределам, что он может воссоздать в себе проект китайца, индейца или африканца. Любой проект универсален в том смысле, что понятен каждому. Это не означает, что данный проект определяет человека раз навсегда, а только то, что он может быть воспроизведен. Всегда можно понять идиота, ребенка, дикаря или иностранца, достаточно иметь необходимые сведения. В этом смысле мы можем говорить о всеобщности человека, которая, однако, не дана заранее, но постоянно создается. Выбирая себя, я создаю всеобщее. Я создаю его, понимая проект любого другого человека, к какой бы эпохе он ни принадлежал. Эта абсолютность выбора не ликвидирует относительности каждой отдельной эпохи. Экзистенциализм и хочет показать эту связь между абсолютным характером свободного действия, посредством которого каждый человек реализует себя, реализуя в то же время определенный тип человечества, – действия, понятного любой эпохе и любому человеку, и относительностью культуры, которая может явиться следствием такого выбора. Необходимо отметить вместе с тем относительность картезианства и абсолютность картезианской позиции. Если хотите, в этом смысле каждый из нас существо абсолютное, когда он дышит, ест, спит или действует тем или иным образом. Нет никакой разницы между свободным бытием, бытием-проектом, существованием, выбирающим свою сущность, и абсолютным бытием. И нет никакой разницы между локализованным во времени абсолютным бытием, то есть расположенным в истории, и универсально постижимым бытием. Это, однако, не снимает полностью обвинения в субъективизме, которое выступает еще в нескольких формах. Во-первых, нам говорят: "Значит, вы можете делать что угодно". Это обвинение формулируют по-разному. Сначала нас записывают в анархисты, а потом заявляют: "Вы не можете судить других, так как не имеете оснований, чтобы предпочесть один проект другому". И, наконец, нам могут сказать: "Все произвольно в вашем выборе, вы отдаете одной рукой то, что вы якобы получили другой". Эти три возражения не слишком серьезны. Прежде всего, первое возражение – "вы можете выбирать что угодно" – неточно. Выбор возможен в одном направлении, но невозможно не выбирать. Я всегда могу выбрать, но я должен знать, что даже в том случае, если ничего не выбираю, тем самым я все-таки выбираю. Хотя это обстоятельство и кажется сугубо формальным, однако оно чрезвычайно важно для ограничения фантазии и каприза. Если верно, что, находясь в какой-то ситуации, например в ситуации, определяющей меня как существо, наделенное полом, способное находиться в отношениях с существом другого пола и иметь детей, я вынужден выбрать какую-то позицию, то, во всяком случае, я несу ответственность за выбор, который, обязывая меня, обязывает в то же время все человечество. Даже если никакая априорная ценность не определяет моего выбора, он все же не имеет ничего общего с капризом. А если кое-кому кажется, что это – та же теория произвольного действия, что и у А.Жида, значит, они не видят громадного различия между экзистенциализмом и учением Жида. Жид не знает, что такое ситуация. Для него действия обусловлены простым капризом. Для нас, напротив, человек находится в организованной ситуации, которою живет, и своим выбором он заставляет жить ею все человечество, и он не может не выбирать: он или останется целомудренным, или женится, но не будет иметь детей, или женится и будет иметь детей. В любом случае, что бы он ни делал, он несет полную ответственность за решение этой проблемы. Конечно, он не ссылается, осуществляя выбор, на предустановленные ценности, но было бы несправедливо обвинять его в капризе. Моральный выбор можно сравнить скорее с созданием произведения искусства. Однако здесь надо сразу же оговориться, речь идет

отнодью не об эстетской морали, наши противники столь недобросовестны, что упрекают нас даже в этом. Пример взят мною лишь для сравнения. Итак, разве когда-нибудь упрекали художника, рисующего картину, за то, что он не руководствуется априорно установленными правилами? Разве когда-нибудь говорили, какую он *должен* нарисовать картину? Ясно, что нет картины, которая была бы определена до ее написания, что художник живет созданием своего произведения и что картина, которая должна быть нарисована, – это та картина, которую он нарисует. Ясно, что нет априорных эстетических ценностей, но есть ценности, которые проявятся потом – в связи отдельных элементов картины, в отношениях между волей к творчеству и результатом. Никто не может сказать, какой будет живопись завтра. О картинах можно судить, лишь когда они уже написаны. Какое отношение имеет это к морали? Здесь мы тоже оказываемся в ситуации творчества. Мы никогда не говорим о произвольности произведения искусства. Обсуждая полотно Пикассо, мы не говорим, что оно произвольно. Мы хорошо понимаем, что, рисуя, он созидает себя таким, каков он есть, что совокупность его произведений включается в его жизнь. Так же обстоит дело и в морали. Общим между искусством и моралью является то, что в обоих случаях мы имеем творчество и изобретение. Мы не можем решить *a priori*, что надо делать. Мне кажется, я достаточно показал это на примере того молодого человека, который приходил ко мне за советом и который мог взывать к любой морали, кантианской или какой-либо еще, не находя там для себя никаких указаний. Он был вынужден изобрести для себя свой собственный закон. Мы никогда не скажем, что этот человек – решит ли он остаться со своей матерью, беря за основу морали чувства, индивидуальное действие и конкретное милосердие, или решит поехать в Англию, предпочитая жертвенность, – сделал произвольный выбор. Человек создает себя сам. Он не сотворен изначально, он творит себя, выбирая мораль, а давление обстоятельств таково, что он не может не выбрать какой-нибудь определенной морали. Мы определяем человека лишь в связи с его решением занять позицию. Поэтому бессмысленно упрекать нас в произвольности выбора. Во-вторых, нам говорят, что мы не можем судить других. Это отчасти верно, а отчасти нет. Это верно в том смысле, что всякий раз, когда человек выбирает свою позицию и свой проект со всей искренностью и полной ясностью, каким бы ни был этот проект, ему невозможно предпочесть другой. Это верно в том смысле, что мы не верим в прогресс. Прогресс – это улучшение. Человек же всегда находится лицом к лицу с меняющейся ситуацией, и выбор всегда остается выбором в ситуации. Моральная проблема ничуть не изменилась с тех пор, когда надо было выбирать между сторонниками и противниками рабовладения во время войны между Севером и Югом, вплоть до сегодняшнего дня, когда нужно голосовать за МРП или за коммунистов. Но тем не менее судить можно, поскольку, как я уже говорил, человек выбирает, в том числе выбирает и самого себя, перед лицом других людей. Прежде всего можно судить, какой выбор основан на заблуждении, а какой на истине (это может быть не оценочное, а логическое суждение). Можно судить о человеке, если он нечестен. Если мы определили ситуацию человека как свободный выбор, без оправданий и без опоры, то всякий человек, пытающийся оправдаться своими страстями или придумывающий детерминизм, нечестен. Могут возразить: "Но почему бы ему не выбирать себя нечестно?" Я отвечаю, что не собираюсь судить с моральной точки зрения, а просто определяю нечестность как заблуждение. Здесь нельзя избежать суждения об истине. Нечестность – это, очевидно, ложь, ибо утаивает полную свободу действия. В том же смысле можно сказать, что выбор нечестен, если заявляется, будто ему предшествуют некие предсуществующие ценности. Я противоречу сам себе, если одновременно хочу их установить и заявляю, что они меня обязывают. Если мне скажут: "А если я хочу быть нечестным?" – я отвечаю: "Нет никаких оснований, чтобы вы им не были, но я заявляю, что вы именно таковы, тогда как строгая последовательность характерна лишь для честности". Кроме того, можно высказать моральное суждение. В каждом конкретном случае свобода не может иметь другой цели, кроме самой себя, и если человек однажды признал, что, пребывая в заброшенности, сам

устанавливает ценности, он может желать теперь только одного – свободы как основания всех ценностей. Это не означает, что он желает ее абстрактно. Это попросту означает, что действия честных людей имеют своей конечной целью поиски свободы как таковой. Человек, вступающий в коммунистический или революционный профсоюз, преследует конкретные цели. Эти цели предполагают наличие абстрактной воли к свободе. Но этой свободы желают в конкретном. Мы желаем свободы ради свободы в каждом отдельном случае. Но, стремясь к свободе, мы обнаруживаем, что она целиком зависит от свободы других людей и что свобода других зависит от нашей свободы. Конечно, свобода, как определение человека, не зависит от другого, но, как только начинается действие, я обязан желать вместе с моей свободой свободы других, я могу принимать в качестве цели мою свободу лишь в том случае, если поставлю своей целью также и свободу других. Следовательно, если с точки зрения полной аутентичности я признаю, что человек – это существо, у которого существование предшествует сущности, что он есть существо свободное, которое может при различных обстоятельствах желать лишь своей свободы, я одновременно признаю, что я могу желать и другим только свободы. Таким образом, во имя этой воли к свободе, предполагаемой самой свободой, я могу формулировать суждение о тех, кто стремится скрыть от себя полную беспричинность своего существования и свою полную свободу. Одних, скрывающих от себя свою полную свободу с помощью духа серьезности или ссылок на детерминизм, я назову трусами. Других, пытающихся доказать, что их существование необходимо, хотя даже появление человека на Земле является случайностью, я назову сволочью. Но трусов или сволочь можно судить лишь с точки зрения строгой аутентичности. Поэтому, хотя содержание морали и меняется, определенная форма этой морали универсальна. Кант заявляет, что свобода желает самой себя и свободы других. Согласен. Но он полагает, что формальное и всеобщее достаточны для конституирования морали. Мы же, напротив, думаем, что слишком отвлеченные принципы терпят крах при определении действия. Рассмотрим еще раз пример с этим учеником. Во имя чего, во имя какой великой максимы морали мог бы он, по-вашему, с полным спокойствием духа решиться покинуть мать или же остаться с ней. Об этом никак нельзя судить. Содержание всегда конкретно и, следовательно, непредсказуемо. Всегда имеет место изобретение. Важно только знать, делается ли данное изобретение во имя свободы. Рассмотрим два конкретных примера. Вы увидите, в какой степени они согласуются друг с другом и в то же время различны. Возьмем "Мельницу на Флоссе". В этом произведении мы встречаем некую девушку по имени Мэгги Тулливер, которая является воплощением страсти и сознает это. Она влюблена в молодого человека – Стефана, который обручен с другой, ничем не примечательной девушкой. Эта Мэгги Тулливер, вместо того чтобы легкомысленно предпочесть свое собственное счастье, решает во имя человеческой солидарности пожертвовать собой и отказаться от любимого человека. Наоборот, Сансеверина в "Пармской обители", считая, что страсть составляет истинную ценность человека, заявила бы, что большая любовь стоит всех жертв, что ее нужно предпочесть банальной супружеской любви, которая соединила бы Стефана и ту дурочку, на которой он собрался жениться. Она решила бы пожертвовать последней и добиться своего счастья. И, как показывает Стендаль, ради страсти она пожертвовала бы и собой, если того требует жизнь. Здесь перед нами две прямо противоположные морали. Но я полагаю, что они равноценны, ибо в обоих случаях целью является именно свобода. Вы можете представить себе две совершенно аналогичные по своим следствиям картины. Одна девушка предпочитает покорно отказаться от любви, другая – под влиянием полового влечения – предпочитает игнорировать прежние связи мужчины, которого любит. Внешне эти два случая напоминают только что описанные. И, тем не менее, они весьма от них отличаются. Сансеверина по своему отношению к жизни гораздо ближе к Мэгги Тулливер, чем к такой беззаботной алчности. Таким образом, вы видите, что второе обвинение одновременно и истинно, и ложно. Выбирать можно все, что угодно, если речь идет о свободе решать. Третье возражение сводится к следующему: "Вы получаете одной

рукой то, что даете другой", то есть ваши ценности, в сущности, несерьезны, поскольку вы их сами выбираете. На это я с глубоким прискорбием отвечу, что так оно и есть; но уж если я ликвидировал бога-отца, то должен же кто-нибудь изобретать ценности. Нужно принимать вещи такими, как они есть. И, кроме того, сказать, что мы изобретаем ценности, – значит утверждать лишь то, что жизнь не имеет априорного смысла. Пока вы не живете своей жизнью, она ничего собой не представляет, вы сами должны придать ей смысл, а ценность есть не что иное, как этот выбираемый вами смысл. Тем самым вы обнаруживаете, что есть возможность создать человеческое сообщество. Меня упрекали за сам вопрос: является ли экзистенциализм гуманизмом. Мне говорили: "Ведь вы же писали в "Тошноте", что гуманисты не правы, вы надсмехались над определенным типом гуманизма, зачем теперь к нему возвращаться?" Действительно, слово "гуманизм" имеет два совершенно различных смысла. Под гуманизмом можно понимать теорию, которая рассматривает человека как цель и высшую ценность. Подобного рода гуманизм имеется у Кокто, например, в его рассказе "В 80 часов вокруг света", где один из героев, пролетая на самолете над горами, восклицает: "Человек поразителен!" Это означает, что лично я, не принимавший участия в создании самолетов, могу воспользоваться плодами этих изобретений и что лично я – как человек – могу относить на свой счет и ответственность, и почести за действия, совершенные другими людьми. Это означало бы, что мы можем оценивать человека по наиболее выдающимся действиям некоторых людей. Такой гуманизм абсурден, ибо только собака или лошадь могла бы дать общую характеристику человеку и заявить, что человек поразителен, чего они, кстати, вовсе не собираются делать, по крайней мере, насколько мне известно. Но нельзя признать, чтобы о человеке мог судить человек. Экзистенциализм освобождает его от всех суждений подобного рода. Экзистенциалист никогда не рассматривает человека как цель, так как человек всегда незавершен. И мы не обязаны думать, что есть какое-то человечество, которому можно поклоняться на манер Огюста Конта. Культ человечества приводит к замкнутому гуманизму Конта и – стоит сказать – к фашизму. Такой гуманизм нам не нужен. Но гуманизм можно понимать и в другом смысле. Человек находится постоянно вне самого себя. Именно проектируя себя и теряя себя вовне, он существует как человек. С другой стороны, он может существовать, только преследуя трансцендентные цели. Будучи этим выходом за пределы, улавливая объекты лишь в связи с этим преодолением самого себя, он находится в сердцевине, в центре этого выхода за собственные пределы. Нет никакого другого мира, помимо человеческого мира, мира человеческой субъективности. Эта связь конституирующей человека трансцендентности (не в том смысле, в каком трансцендентен бог, а в смысле выхода за свои пределы) и субъективности – в том смысле, что человек не замкнут в себе, а всегда присутствует в человеческом мире, – и есть то, что мы называем экзистенциалистским гуманизмом. Это гуманизм, поскольку мы напоминаем человеку, что нет другого законодателя, кроме него самого, в заброшенности он будет решать свою судьбу; поскольку мы показываем, что реализовать себя по-человечески человек может не путем погружения в самого себя, но в поиске цели вовне, которой может быть освобождение или еще какое-нибудь конкретное самоосуществление. Из этих рассуждений видно, что нет ничего несправедливее выдвинутых против нас возражений. Экзистенциализм – это не что иное, как попытка сделать все выводы из последовательного атеизма. Он вовсе не пытается ввергнуть человека в отчаяние. Но если отчаянием называть, как это делают христиане, всякое неверие, тогда именно первородное отчаяние – его исходный пункт. Экзистенциализм – не такой атеизм, который растрчивает себя на доказательства того, что бог не существует. Скорее он заявляет следующее: даже если бы бог существовал, это ничего бы не изменило. Такова наша точка зрения. Это не значит, что мы верим в существование бога, – просто суть дела не в том, существует ли бог. Человек должен обрести себя и убедиться, что ничто не может его спасти от себя самого, даже достоверное доказательство существования бога. В этом смысле экзистенциализм – это оптимизм, учение о действии. И только вследствие

нечестности, путая свое собственное отчаяние с нашим, христиане могут называть нас отчаявшимися.

Задание 2. Контрольный тест

1. Для современной зарубежной философии характерен:

- а) плюрализм;
- б) пантеизм;
- в) монизм;
- г) дуализм.

2. Кто из философов является основателем направления позитивизма и социологии:

- а) Поппер К.;
- б) Спенсер Г.;
- в) Конт О.;
- г) Шпенглер О.

3. Автором всемирно известного труда «Структура научных революций» (1962 г.) является:

- а) К. Поппер;
- б) Т. Кун;
- в) К. Ясперс;
- г) Кедров.

4. Окружающий мир враждебен человеку, а его бытие иррационально и лишено смысла с позиции:

- а) экзистенциализма;
- б) дуализма;
- в) томизма;
- г) рационализма.

5. В США, Англии, скандинавских странах доминирует:

- а) аналитическая философия;
- б) феноменология;
- в) герменевтика;
- г) постмодернизм.

6. С точки зрения экзистенциализма человек задумывается над смыслом жизни в...

- а) состоянии опьянения;
- б) от скуки;
- в) при обращении к вере;
- г) в пограничной ситуации.

7. Термин экзистенция впервые был введен:

- а) С. Кьеркегором;
- б) А. Камю;
- в) Ж.-П. Сартром;
- г) М. Хайдеггером.

8. Биологические потребности и инстинкты человека считаются движущими силами его общественного поведения у:

- а) герменевтиков;
- б) фрейдистов;
- в) позитивистов;
- г) неотомистов.

9. Кто является автором идеи коллективного бессознательного:

- а) З.Фрейд;
- б) Э.Фромм;
- в) В. Вернадский;
- г) К. Г. Юнг.

10. Что такое герменевтика?

- а) учение о развитии;
- б) искусство перевода, объяснения, понимания и истолкования понятого;
- в) раздел этики, в котором рассматриваются проблемы долга и моральных требований;
- г) учение о мышлении, теория познания.

11. Открытие сферы бессознательного принадлежит:

- а) Фромму Э.;
- б) Фрейду З.;
- в) Адлеру А.;
- г) Юнгу К. Г.

12. Понятие экзистенция было введено для обозначения:

- а) бытия вещей и процессов;
- б) виртуальной реальности;
- в) специфически человеческого способа бытия;
- г) бытия природы.

13. Основы герменевтики как философского учения заложил:

- а) Конт О.;
- б) Камю А.;
- в) Шлейермахер;
- г) Хайдеггер М.

14. Кому из мыслителей начала 20 века принадлежат эти строки: *Сексуальные влечения принимают участие в творчестве высших культурных, художественных и социальных ценностей человеческого духа, внося в нашу жизнь такие вклады, которые следует достойным образом оценить:*

- а) Юнгу К.;
- б) Шлику М.;
- в) Фрейду З.;
- г) Фромму Э.

15. Ядром культуры современного общества большинство представителей постмодернизма считают...

- а) религию;
- б) науку;
- в) моду;
- г) политику.

16. В какой философской теории проблема смысла жизни является одной из главных тем:

- а) в позитивизме;
- б) в экзистенциализме;
- в) в прагматизме;
- г) в неотолизме.

17. В философии экзистенциализма подлинный способ существования – это:

- а) погруженность человека в мир вещей;
- б) бытие перед лицом смерти;
- в) обучение принципам «мудрой жизни»;
- г) следование всеобщему космическому закону.

18. Это направление философии возникло в сер. 19 в. и уже на заре своего существования выступило с претензией на разработку философии науки:

- а) неотолизм;
- б) прагматизм;
- в) позитивизм;
- г) неофрейдизм.

19. Учение о человеке как общественном существе было разработано в философии:

- а) креационизма;
- б) позитивизма;
- в) экзистенциализма;
- г) марксизма.

20. Возникновение современной неклассической иррационалистической философии связано с именами:

- а) О. Конта и Г. Спенсера;
- б) К. Маркса и Ф.Энгельса;
- в) А. Шопенгауэра и Ф. Ницше;
- г) Ч. Пирса и У. Джеймса.

21. Тезис об определяющей роли общественного бытия по отношению к сознанию обосновывался:

- а) О. Контом;
- б) З. Фрейдом;
- в) М. Вебером;
- г) К. Марксом.

22. Понимание личности как активного, творческого начала, порождающего мир характерно для...

- а) экзистенциализма;
- б) марксизма;
- в) психоанализа;
- г) персонализма.

Задание 3. Творческое задание. Напишите эссе.

3.1.«Отсутствие Бытия как такового и есть само Бытие» (М. Хайдеггер).
Сформулируйте проблему. Какую трактовку бытия дает М. Хайдеггер?

3.2.«Высшее, к чему может стремиться человеческая мысль, - это выйти за свои собственные пределы, придя к парадоксу». (С. Кьеркегор)
Дайте философский комментарий данного высказывания.

3.3.«Смысл философии в том, чтобы начинать с самого очевидного, и приходиться к самому парадоксальному». (Бертран Рассел) Согласны ли Вы с автором?

3.4.«Обычная форма знания – это знание без сознания». (Ф. Ницше)
Раскройте смысл афоризма.

Тема 9. Русская философия

Задание 1. Текст. Прочитайте отрывок из романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» - «Легенду о Великом Инквизиторе». Сформулируйте проблему, поставленную Ф.М. Достоевским.

Великий инквизитор

— Ведь вот и тут без предисловия невозможно, то есть без литературного предисловия, тьфу! — засмеялся Иван, — а какой уж я сочинитель! Видишь, действие у меня происходит в шестнадцатом столетии, а тогда, — тебе, впрочем, это должно быть известно еще из классов, — тогда как раз было в обычае сводить в поэтических произведениях на землю горные силы. Я уж про Данта не говорю. Во Франции судейские клерки, а тоже и по монастырям монахи давали целые представления, в которых выводили на сцену Мадонну, ангелов, святых, Христа и самого бога. Тогда всё это было очень простодушно. В «Notre Dame de Paris»¹ у Виктора Гюго в честь рождения французского дофина, в Париже, при Людовике XI, в зале ратуши дается назидательное и даровое представление народу под названием: «Le bon jugement de la très sainte et gracieuse Vierge Marie»,² где и является она сама лично и произносит свой bon jugement³. У нас в Москве, в допетровскую старину, такие же почти драматические представления, из Ветхого завета особенно, тоже совершались по временам; но, кроме драматических представлений, по всему миру ходило тогда много повестей и «стихов», в которых действовали по надобности святые, ангелы и вся сила небесная. У нас по монастырям занимались тоже переводами, списыванием и даже сочинением таких поэм, да еще когда — в татарщину. Есть, например, одна монастырская поэмка (конечно, с греческого): «Хождение богородицы по мукам», с картинками и со смелостью не ниже дантовских. Богоматерь посещает ад, и руководит ее «по мукам» архангел Михаил. Она видит грешников и мучения их. Там есть, между прочим, один презанимательный разряд грешников в горящем озере: которые из них погружаются в это озеро так, что уж и выплыть более не могут, то «тех уже забывает бог» — выражение чрезвычайной глубины и силы. И вот, пораженная и плачущая богоматерь падает пред престолом Божиим и просит всем во аде помилования, всем, которых она видела там, без различия. Разговор ее с богом колоссально интересен. Она умоляет, она не отходит, и когда бог указывает ей на прогвожденные руки и ноги ее сына и спрашивает: как я прошу его мучителей, — то она велит всем святым, всем мученикам, всем ангелам и архангелам пасть вместе с нею и молить о помиловании всех без разбора. Кончается тем, что она вымаливает у бога остановку мук на всякий год от великой пятницы до троицына дня, а грешники из ада тут

же благодарят господа и вопиют к нему: «Прав ты, господи, что так судил». Ну вот и моя поэмка была бы в том же роде, если б явилась в то время. У меня на сцене является он; правда, он ничего и не говорит в поэме, а только появляется и проходит. Пятнадцать веков уже минуло тому, как он дал обетование прийти во царствии своем, пятнадцать веков, как пророк его написал: «Се грядущи скоро». «О дне же сем и часе не знает даже и сын, токмо лишь отец мой небесный», как изрек он и сам еще на земле. Но человечество ждет его с прежнею верой и с прежним умилением. О, с большею даже верой, ибо пятнадцать веков уже минуло с тех пор, как прекратились залогов с небес человеку:

Верь тому, что сердце скажет,
Нет залогов от небес.

И только одна лишь вера в сказанное сердцем! Правда, было тогда и много чудес. Были святые, производившие чудесные исцеления; к иным праведникам, по жизнеописаниям их, сходила сама царица небесная. Но дьявол не дремлет, и в человечестве началось уже сомнение в правдивости этих чудес. Как раз явилась тогда на севере, в Германии, страшная новая ересь. Огромная звезда, «подобная светильнику» (то есть церкви) «пала на источники вод, и стали они горьки». Эти ереси стали богохульно отрицать чудеса. Но тем пламеннее верят оставшиеся верными. Слезы человечества восходят к нему по-прежнему, ждут его, любят его, надеются на него, жаждут пострадать и умереть за него, как и прежде. И вот столько веков молило человечество с верой и пламенем: «Бо господи явися нам», столько веков взывало к нему, что он, в неизмеримом сострадании своем, возжелал снизойти к молящим. Снисходил, посещал он и до этого иных праведников, мучеников и святых отшельников еще на земле, как и записано в их «житиях». У нас Тютчев, глубоко веровавший в правду слов своих, возвестил, что

Удрученный ношей крестной
Всю тебя, земля родная,
В рабском виде царь небесный
Исходил благословляя.

Что непременно и было так, это я тебе скажу. И вот он возжелал появиться хоть на мгновенье к народу, — к мучающемуся, страдающему, смрадно-грешному, но младенчески любящему его народу. Действие у меня в Испании, в Севилье, в самое страшное время инквизиции, когда во славу божию в стране ежедневно горели костры и в великолепных автодафе
Сжигали злых еретиков.

О, это, конечно, было не то сошествие, в котором явится он, по обещанию своему, в конце времен во всей славе небесной и которое будет внезапно, «как молния, блистающая от востока до запада». Нет, он возжелал хоть на мгновенье посетить детей своих и именно там, где как раз затрещали костры еретиков. По безмерному милосердию своему он проходит еще раз между людей в том самом образе человеческом, в котором ходил три года между людьми пятнадцать веков назад. Он снисходит на «стогны жаркие» южного города, как раз в котором всего лишь накануне в «великолепном автодафе», в присутствии короля, двора, рыцарей, кардиналов и прелестнейших придворных дам, при многочисленном населении всей Севильи, была сожжена кардиналом великим инквизитором разом чуть не целая сотня еретиков *ad majorem gloriam Dei*.⁴ Он появился тихо, незаметно, и вот все — странно это — узнают его. Это могло бы быть одним из лучших мест поэмы, то есть почему именно узнают его. Народ непобедимой силой стремится к нему, окружает его, нарастает кругом него, следует за ним. Он молча проходит среди их с тихою улыбкой бесконечного сострадания. Солнце любви горит в его сердце, лучи Света, Просвещения и Силы текут из очей его и, изливаясь на людей, сотрясают их сердца ответною любовью. Он простирает к ним руки, благословляет их, и от прикосновения к нему, даже лишь к одеждам его, исходит целующая сила. Вот из толпы восклицает старик, слепой с детских лет: «Господи, исцели меня, да и я тебя узрю», и вот как бы чешуя сходит с глаз его, и слепой его видит. Народ плачет и целует землю, по которой идет он. Дети бросают пред ним цветы, поют и вопиют ему: «Осанна!» «Это он, это сам он, — повторяют все, — это должен быть он, это никто как он». Он

останавливается на паперти Севильского собора в ту самую минуту, когда во храм вносят с плачем детский открытый белый гробик: в нем семилетняя девочка, единственная дочь одного знатного гражданина. Мертвый ребенок лежит весь в цветах. «Он воскресит твое дитя», — кричат из толпы плачущей матери. Вышедший навстречу гроба соборный патер смотрит в недоумении и хмурит брови. Но вот раздается вопль матери умершего ребенка. Она повергается к ногам его: «Если это ты, то воскреси дитя мое!» — восклицает она, простирая к нему руки. Процессия останавливается, гробик опускают на паперть к ногам его. Он смотрит с состраданием, и уста его тихо и еще раз произносят: «Талифа куми» — «и восста девица». Девочка подымается в гробе, садится и смотрит, улыбаясь, удивленными раскрытыми глазками кругом. В руках ее букет белых роз, с которым она лежала в гробу. В народе смятение, крики, рыдания, и вот, в эту самую минуту, вдруг проходит мимо собора по площади сам кардинал великий инквизитор. Это девяностолетний почти старик, высокий и прямой, с иссохшим лицом, со впалыми глазами, но из которых еще светится, как огненная искорка, блеск. О, он не в великолепных кардинальских одеждах своих, в каких красовался вчера пред народом, когда сжигали врагов римской веры, — нет, в эту минуту он лишь в старой, грубой монашеской своей рясе. За ним в известном расстоянии следуют мрачные помощники и рабы его и «священная» стража. Он останавливается пред толпой и наблюдает издали. Он всё видел, он видел, как поставили гроб у ног его, видел, как воскресла девица, и лицо его омрачилось. Он хмурит седые густые брови свои, и взгляд его сверкает зловещим огнем. Он простирает перст свой и велит стражам взять его. И вот, такова его сила и до того уже приучен, покорен и трепетно послушен ему народ, что толпа немедленно раздвигается пред стражами, и те, среди гробового молчания, вдруг наступившего, налагают на него руки и уводят его. Толпа моментально, вся как один человек, склоняется головами до земли пред старцем инквизитором, тот молча благословляет народ и проходит мимо. Стража приводит пленника в тесную и мрачную сводчатую тюрьму в древнем здании святого судилища и запирает в нее. Проходит день, настает темная, горячая и «бездыханная» севильская ночь. Воздух «лавром и лимоном пахнет». Среди глубокого мрака вдруг отворяется железная дверь тюрьмы, и сам старик великий инквизитор со светильником в руке медленно входит в тюрьму. Он один, дверь за ним тотчас же запирается. Он останавливается при входе и долго, минуту или две, всматривается в лицо его. Наконец тихо подходит, ставит светильник на стол и говорит ему: «Это ты? ты? — Но, не получая ответа, быстро прибавляет: — Не отвечай, молчи. Да и что бы ты мог сказать? Я слишком знаю, что ты скажешь. Да ты и права не имеешь ничего прибавлять к тому, что уже сказано тобой прежде. Зачем же ты пришел нам мешать? Ибо ты пришел нам мешать и сам это знаешь. Но знаешь ли, что будет завтра? Я не знаю, кто ты, и знать не хочу: ты ли это или только подобие его, но завтра же я осужу и сожгу тебя на костре, как злейшего из еретиков, и тот самый народ, который сегодня целовал твои ноги, завтра же по одному моему мановению бросится подгребать к твоему костру угли, знаешь ты это? Да, ты, может быть, это знаешь», — прибавил он в проникновенном раздумье, ни на мгновение не отрываясь взглядом от своего пленника.

— Я не совсем понимаю, Иван, что это такое? — улыбнулся всё время молча слушавший Алеша, — прямо ли безбрежная фантазия или какая-нибудь ошибка старика, какое-нибудь невозможное *qui pro quo*?³

— Прими хоть последнее, — рассмеялся Иван, — если уж тебя так разбаловал современный реализм и ты не можешь вынести ничего фантастического — хочешь *qui pro quo*, то пусть так и будет. Оно правда, — рассмеялся он опять, — старику девяносто лет, и он давно мог сойти с ума на своей идее. Пленник же мог поразить его своею наружностью. Это мог быть, наконец, просто бред, видение девяностолетнего старика пред смертью, да еще разгоряченного вчерашним автодафе во сто сожженных еретиков. Но не всё ли равно нам с тобою, что *qui pro quo*, что безбрежная фантазия? Тут дело в том

только, что старику надо высказаться, что наконец за все девяносто лет он высказывается и говорит вслух то, о чем все девяносто лет молчал.

— А пленник тоже молчит? Глядит на него и не говорит ни слова?

— Да так и должно быть во всех даже случаях, — опять засмеялся Иван. — Сам старик замечает ему, что он и права не имеет ничего прибавлять к тому, что уже прежде сказано. Если хочешь, так в этом и есть самая основная черта римского католичества, по моему мнению по крайней мере: «всё, дескать, передано тобою папе и всё, стало быть, теперь у папы, а ты хоть и не приходи теперь вовсе, не мешай до времени по крайней мере». В этом смысле они не только говорят, но и пишут, иезуиты по крайней мере. Это я сам читал у их богословов. «Имеешь ли ты право возвестить нам хоть одну из тайн того мира, из которого ты пришел? — спрашивает его мой старик и сам отвечает ему за него, — нет, не имеешь, чтобы не прибавлять к тому, что уже было прежде сказано, и чтобы не отнять у людей свободы, за которую ты так стоял, когда был на земле. Всё, что ты вновь возвестишь, посягнет на свободу веры людей, ибо явится как чудо, а свобода их веры тебе была дороже всего еще тогда, полторы тысячи лет назад. Не ты ли так часто тогда говорил: „Хочу сделать вас свободными“. Но вот ты теперь увидел этих „свободных“ людей, — прибавляет вдруг старик со вдумчивою усмешкой. — Да, это дело нам дорого стоило, — продолжает он, строго смотря на него, — но мы dokonчили наконец это дело во имя твое. Пятнадцать веков мучились мы с этою свободой, но теперь это кончено, и кончено крепко. Ты не веришь, что кончено крепко? Ты смотришь на меня кротко и не удостоиваешь меня даже негодования? Но знай, что теперь и именно ныне эти люди уверены более чем когда-нибудь, что свободны вполне, а между тем сами же они принесли нам свободу свою и покорно положили ее к ногам нашим. Но это сделали мы, а того ль ты желал, такой ли свободы?»

— Я опять не понимаю, — прервал Алеша, — он иронизирует, смеется?

— Нимало. Он именно ставит в заслугу себе и своим, что наконец-то они поборолли свободу и сделали так для того, чтобы сделать людей счастливыми. «Ибо теперь только (то есть он, конечно, говорит про инквизицию) стало возможным помыслить в первый раз о счастье людей. Человек был устроен бунтовщиком; разве бунтовщики могут быть счастливыми? Тебя предупреждали, — говорит он ему, — ты не имел недостатка в предупреждениях и указаниях, но ты не послушал предупреждений, ты отверг единственный путь, которым можно было устроить людей счастливыми, но, к счастью, уходя, ты передал дело нам. Ты обещал, ты утвердил своим словом, ты дал нам право связывать и развязывать и уж, конечно, не можешь и думать отнять у нас это право теперь. Зачем же ты пришел нам мешать?»

— А что значит: не имел недостатка в предупреждении и указании? — спросил Алеша.

— А в этом-то и состоит главное, что старику надо высказать.

«Страшный и умный дух, дух самоуничтожения и небытия, — продолжает старик, — великий дух говорил с тобой в пустыне, и нам передано в книгах, что он будто бы „искушал“ тебя. Так ли это? И можно ли было сказать хоть что-нибудь истиннее того, что он возвестил тебе в трех вопросах, и что ты отверг, и что в книгах названо „искушениями“? А между тем если было когда-нибудь на земле совершено настоящее громовое чудо, то это в тот день, в день этих трех искушений. Именно в появлении этих трех вопросов и заключалось чудо. Если бы возможно было помыслить, лишь для пробы и для примера, что три эти вопроса страшного духа бесследно утрачены в книгах и что их надо восстановить, вновь придумать и сочинить, чтоб внести опять в книги, и для этого собрать всех мудрецов земных — правителей, первосвященников, ученых, философов, поэтов — и задать им задачу: придумайте, сочините три вопроса, но такие, которые мало того, что соответствовали бы размеру события, но и выражали бы сверх того, в трех словах, в трех только фразах человеческих, всю будущую историю мира и человечества, — то думаешь ли ты, что вся премудрость земли, вместе соединившаяся, могла бы придумать хоть что-нибудь подобное по силе и по глубине тем трем вопросам, которые

действительно были предложены тебе тогда могучим и умным духом в пустыне? Уж по одним вопросам этим, лишь по чуду их появления, можно понимать, что имеешь дело не с человеческим текущим умом, а с вековечным и абсолютным. Ибо в этих трех вопросах как бы совокуплена в одно целое и предсказана вся дальнейшая история человеческая и явлены три образа, в которых сойдутся все неразрешимые исторические противоречия человеческой природы на всей земле. Тогда это не могло быть еще так видно, ибо будущее было неведомо, но теперь, когда прошло пятнадцать веков, мы видим, что всё в этих трех вопросах до того угадано и предсказано и до того оправдалось, что прибавить к ним или убавить от них ничего нельзя более.

Реши же сам, кто был прав: ты или тот, который тогда вопрошал тебя? Вспомни первый вопрос; хоть и не буквально, но смысл его тот: „Ты хочешь идти в мир и идешь с голыми руками, с каким-то обетом свободы, которого они, в простоте своей и в прирожденном бесчинстве своем, не могут и осмыслить, которого боятся они и страшатся, — ибо ничего и никогда не было для человека и для человеческого общества невыносимее свободы! А видишь ли сии камни в этой нагой раскаленной пустыне? Обрати их в хлебы, и за тобой побежит человечество как стадо, благодарное и послушное, хотя и вечно трепещущее, что ты отымешь руку свою и прекратятся им хлебы твои.“ Но ты не захотел лишить человека свободы и отверг предложение, ибо какая же свобода, рассудил ты, если послушание куплено хлебами? Ты возразил, что человек жив не единым хлебом, но знаешь ли, что во имя этого самого хлеба земного и восстанет на тебя дух земли, и сразится с тобою, и победит тебя, и все пойдут за ним, восклицая: „Кто подобен зверю сему, он дал нам огонь с небеси!“ Знаешь ли ты, что пройдут века и человечество провозгласит устами своей премудрости и науки, что преступления нет, а стало быть, нет и греха, а есть лишь только голодные „Накорми, тогда и спрашивай с них добродетели!“ — вот что напишут на знамени, которое воздвигнут против тебя и которым разрушится храм твой. На месте храма твоего воздвигнется новое здание, воздвигнется вновь страшная Вавилонская башня, и хотя и эта не достроится, как и прежняя, но всё же ты бы мог избежать этой новой башни и на тысячу лет сократить страдания людей, ибо к нам же ведь придут они, промучившись тысячу лет со своей башней! Они отыщут нас тогда опять под землей, в катакомбах, скрывающихся (ибо мы будем вновь гонимы и мучимы), найдут нас и возопиют к нам: „Накормите нас, ибо те, которые обещали нам огонь с небеси, его не дали.“ И тогда уже мы и достроим их башню, ибо достроит тот, кто накормит, а накормим лишь мы, во имя твое, и солжем, что во имя твое. О, никогда, никогда без нас они не накормят себя! Никакая наука не даст им хлеба, пока они будут оставаться свободными, но кончится тем, что они принесут свою свободу к ногам нашим и скажут нам: „Лучше поработите нас, но накормите нас“. Поймут наконец сами, что свобода и хлеб земной вдоволь для всякого вместе немыслимы, ибо никогда, никогда не сумеют они разделиться между собою! Убедятся тоже, что не могут быть никогда и свободными, потому что малосильны, порочны, ничтожны и бунтовщики. Ты обещал им хлеб небесный, но, повторяю опять, может ли он сравниться в глазах слабого, вечно порочного и вечно неблагоприятного людского племени с земным? И если за тобою во имя хлеба небесного пойдут тысячи и десятки тысяч, то что станет с миллионами и с десятками тысяч миллионов существ, которые не в силах будут пренебречь хлебом земным для небесного? Иль тебе дороги лишь десятки тысяч великих и сильных, а остальные миллионы, многочисленные, как песок морской, слабых, но любящих тебя, должны лишь послужить материалом для великих и сильных? Нет, нам дороги и слабые. Они порочны и бунтовщики, но под конец они-то станут и послушными. Они будут дивиться на нас и будут считать нас за богов за то, что мы, став во главе их, согласились выносить свободу и над ними господствовать так ужасно им станет под конец быть свободными! Но мы скажем, что послушны тебе и господствуем во имя твое. Мы их обманем опять, ибо тебя мы уж не пустим к себе. В обмане этом и будет заключаться наше страдание, ибо мы должны будем лгать. Вот что значил этот первый вопрос в пустыне, и вот что ты отверг во

имя свободы, которую поставил выше всего. А между тем в вопросе этом заключалась великая тайна мира сего. Приняв „хлебы“, ты бы ответил на всеобщую и вековечную тоску человеческую как единоличного существа, так и целого человечества вместе — это: „пред кем преклониться?“ Нет заботы непрерывнее и мучительнее для человека, как, оставшись свободным, сыскать поскорее того, пред кем преклониться. Но ищет человек преклониться пред тем, что уже бесспорно, столь бесспорно, чтобы все люди разом согласились на всеобщее пред ним преклонение. Ибо забота этих жалких созданий не в том только состоит, чтобы сыскать то, пред чем мне или другому преклониться, но чтобы сыскать такое, чтоб и все уверовали в него и преклонились пред ним, и чтобы непременно *все вместе*. Вот эта потребность *общности* преклонения и есть главнейшее мучение каждого человека единолично и как целого человечества с начала веков. Из-за всеобщего преклонения они истребляли друг друга мечом. Они созидали богов и зывали друг к другу: „Бросьте ваших богов и придите поклониться нашим, не то смерть вам и богам вашим!“ И так будет до скончания мира, даже и тогда, когда исчезнут в мире и боги: всё равно падут пред идолами. Ты знал, ты не мог не знать эту основную тайну природы человеческой, но ты отверг единственное абсолютное знамя, которое предлагалось тебе, чтобы заставить всех преклониться пред тобою бесспорно, — знамя хлеба земного, и отверг во имя свободы и хлеба небесного. Взгляни же, что сделал ты далее. И всё опять во имя свободы! Говорю тебе, что нет у человека заботы мучительнее, как найти того, кому бы передать поскорее тот дар свободы, с которым это несчастное существо рождается. Но овладевает свободой людей лишь тот, кто успокоит их совесть. С хлебом тебе давалось бесспорное знамя: дашь хлеб, и человек преклонится, ибо ничего нет бесспорнее хлеба, но если в то же время кто-нибудь овладеет его совестью помимо тебя — о, тогда он даже бросит хлеб твой и пойдет за тем, который обольстит его совесть. В этом ты был прав. Ибо тайна бытия человеческого не в том, чтобы только жить, а в том, для чего жить. Без твердого представления себе, для чего ему жить, человек не согласится жить и скорей истребит себя, чем останется на земле, хотя бы кругом его всё были хлебы. Это так, но что же вышло: вместо того чтоб овладеть свободой людей, ты увеличил им ее еще больше! Или ты забыл, что спокойствие и даже смерть человеку дороже свободного выбора в познании добра и зла? Нет ничего обольстительнее для человека, как свобода его совести, но нет ничего и мучительнее. И вот вместо твердых основ для успокоения совести человеческой раз навсегда — ты взял всё, что есть необычайного, гадательного и неопределенного, взял всё, что было не по силам людей, а потому поступил как бы и не любя их вовсе, — и это кто же: тот, который пришел отдать за них жизнь свою! Вместо того чтоб овладеть людскою свободой, ты умножил ее и обременил ее мучениями душевное царство человека веками. Ты возжелал свободной любви человека, чтобы свободно пошел он за тобою, прельщенный и плененный тобою. Вместо твердого древнего закона — свободным сердцем должен был человек решать впредь сам, что добро и что зло, имея лишь в руководстве твой образ пред собою, — но неужели ты не подумал, что он отвергнет же наконец и оспорит даже и твой образ и твою правду, если его угнетут таким страшным бременем, как свобода выбора? Они воскликнут наконец, что правда не в тебе, ибо невозможно было оставить их в смятении и мучении более, чем сделал ты, оставив им столько забот и неразрешимых задач. Таким образом, сам ты и положил основание к разрушению своего же царства и не вини никого в этом более. А между тем то ли предлагалось тебе? Есть три силы, единственные три силы на земле, могущие навеки победить и пленить совесть этих слабосильных бунтовщиков, для их счастья, — эти силы: чудо, тайна и авторитет. Ты отверг и то, и другое, и третье и сам подал пример тому. Когда страшный и премудрый дух поставил тебя на вершине храма и сказал тебе: „Если хочешь узнать, сын ли ты божий, то верзись вниз, ибо сказано про того, что ангелы подхватят и понесут его, и не упадет и не расшибется, и узнаешь тогда, сын ли ты божий, и докажешь тогда, какова вера твоя в отца твоего“, но ты, выслушав, отверг предложение и не поддался и не бросился вниз. О, конечно, ты поступил тут гордо и великолепно, как

бог, но люди-то, но слабое бунтующее племя это — они-то боги ли? О, ты понял тогда, что, сделав лишь шаг, лишь движение броситься вниз, ты тотчас бы и искусил господу, и веру в него всю потерял, и разбился бы о землю, которую спасать пришел, и возрадовался бы умный дух, искушавший тебя. Но, повторяю, много ли таких, как ты? И неужели ты в самом деле мог допустить хоть минуту, что и людям будет под силу подобное искушение? Так ли создана природа человеческая, чтоб отвергнуть чудо и в такие страшные моменты жизни, моменты самых страшных основных и мучительных душевных вопросов своих оставаться лишь со свободным решением сердца? О, ты знал, что подвиг твой сохранится в книгах, достигнет глубины времен и последних пределов земли, и понадеялся, что, следуя тебе, и человек останется с богом, не нуждаясь в чуде. Но ты не знал, что чуть лишь человек отвергнет чудо, то тотчас отвергнет и бога, ибо человек ищет не столько бога, сколько чудес. И так как человек оставаться без чуда не в силах, то насоздаст себе новых чудес, уже собственных, и поклонится уже знахарскому чуду, бабьему колдовству, хотя бы он сто раз был бунтовщиком, еретиком и безбожником. Ты не сошел с креста, когда кричали тебе, издеваясь и дразня тебя: „Сойди со креста и уверуем, что это ты“. Ты не сошел потому, что опять-таки не захотел поработить человека чудом и жаждал свободной веры, а не чудесной. Жаждал свободной любви, а не рабских восторгов невольника пред могуществом, раз навсегда его ужаснувшим. Но и тут ты судил о людях слишком высоко, ибо, конечно, они невольники, хотя и созданы бунтовщиками. Озрись и суди, вот прошло пятнадцать веков, поди посмотри на них: кого ты вознес до себя? Клянусь, человек слабее и ниже создан, чем ты о нем думал! Может ли, может ли он исполнить то, что и ты? Столь уважая его, ты поступил, как бы перестав ему сострадать, потому что слишком много от него и потребовал, — и это кто же, тот, который возлюбил его более самого себя! Уважая его менее, менее бы от него и потребовал, а это было бы ближе к любви, ибо легче была бы ноша его. Он слаб и подл. Что в том, что он теперь повсеместно бунтует против нашей власти и гордится, что он бунтует? Это гордость ребенка и школьника. Это маленькие дети, взбунтовавшиеся в классе и выгнавшие учителя. Но придет конец и восторгу ребятишек, он будет дорого стоить им. Они ниспровергнут храмы и зальют кровью землю. Но догадаются наконец глупые дети, что хоть они и бунтовщики, но бунтовщики слабосильные, собственного бунта своего не выдерживающие. Обливаясь глупыми слезами своими, они сознаются наконец, что создавший их бунтовщиками, без сомнения, хотел посмеяться над ними. Скажут это они в отчаянии, и сказанное ими будет богохульством, от которого они станут еще несчастнее, ибо природа человеческая не выносит богохульства и в конце концов сама же всегда и отмстит за него. Итак, беспокойство, смятение и несчастье — вот теперешний удел людей после того, как ты столь претерпел за свободу их! Великий пророк твой в видении и в иносказании говорит, что видел всех участников первого воскресения и что было их из каждого колена по двенадцати тысяч. Но если было их столько, то были и они как бы не люди, а боги. Они вытерпели крест твой, они вытерпели десятки лет голодной и нагой пустыни, питаясь акридами и кореньями, — и уж, конечно, ты можешь с гордостью указать на этих детей свободы, свободной любви, свободной и великолепной жертвы их во имя твое. Но вспомни, что их было всего только несколько тысяч, да и то богов, а остальные? И чем виноваты остальные слабые люди, что не могли вытерпеть того, что могучие? Чем виновата слабая душа, что не в силах вместить столь страшных даров? Да неужто же и впрямь приходил ты лишь к избранным и для избранных? Но если так, то тут тайна и нам не понять ее. А если тайна, то и мы вправе были проповедовать тайну и учить их, что не свободное решение сердец их важно и не любовь, а тайна, которой они повиноваться должны слепо, даже мимо их совести. Так мы и сделали. Мы исправили подвиг твой и основали его на *чуде*, *тайне* и *авторитете*. И люди обрадовались, что их вновь повели как стадо и что с сердец их снят наконец столь страшный дар, принесший им столько муки. Правы мы были, уча и делая так, скажи? Неужели мы не любили человечества, столь смиренно сознав его бессилие, с любовью облегчив его ношу и

разрешишь слабосильной природе его хотя бы и грех, но с нашего позволения? К чему же теперь пришел нам мешать? И что ты молча и проникновенно глядишь на меня кроткими глазами своими? Рассердись, я не хочу любви твоей, потому что сам не люблю тебя. И что мне скрывать от тебя? Или я не знаю, с кем говорю? То, что имею сказать тебе, всё тебе уже известно, я читаю это в глазах твоих. И я ли скрою от тебя тайну нашу? Может быть, ты именно хочешь услышать ее из уст моих, слушай же: мы не с тобой, а с *ним*, вот наша тайна! Мы давно уже не с тобою, а с *ним*, уже восемь веков. Ровно восемь веков назад как мы взяли от него то, что ты с негодованием отверг, тот последний дар, который он предлагал тебе, показав тебе все царства земные: мы взяли от него Рим и меч кесаря и объявили лишь себя царями земными, царями едиными, хотя и донныне не успели еще привести наше дело к полному окончанию. Но кто виноват? О, дело это до сих пор лишь в начале, но оно началось. Долго еще ждать завершения его, и еще много выстрадает земля, но мы достигнем и будем кесарями и тогда уже помыслим о всемирном счастье людей. А между тем ты бы мог еще и тогда взять меч кесаря. Зачем ты отверг этот последний дар? Приняв этот третий совет могучего духа, ты восполнил бы всё, чего ищет человек на земле, то есть: пред кем преклониться, кому вручить совесть и каким образом соединиться наконец всем в бесспорный общий и согласный муравейник, ибо потребность всемирного соединения есть третья и последнее мучение людей. Всегда человечество в целом своем стремилось устроиться непременно всемирно. Много было великих народов с великою историей, но чем выше были эти народы, тем были и несчастнее, ибо сильнее других сознавали потребность всемирности соединения людей. Великие завоеватели, Тимуры и Чингис-ханы, пролетели как вихрь по земле, стремясь завоевать вселенную, но и те, хотя и бессознательно, выразили ту же самую великую потребность человечества ко всемирному и всеобщему единению. Приняв мир и порфиру кесаря, основал бы всемирное царство и дал всемирный покой. Ибо кому же владеть людьми как не тем, которые владеют их совестью и в чьих руках хлеба их. Мы и взяли меч кесаря, а взяв его, конечно, отвергли тебя и пошли за *ним*. О, пройдут еще века бесчинства свободного ума, их науки и антропофагии, потому что, начав возводить свою Вавилонскую башню без нас, они кончат антропофагией. Но тогда-то и приползет к нам зверь, и будет лизать ноги наши, и обрызжет их кровавыми слезами из глаз своих. И мы сядем на зверя и воздвигнем чашу, и на ней будет написано: „Тайна!“ Но тогда лишь и тогда настанет для людей царство покоя и счастья. Ты гордишься своими избранниками, но у тебя лишь избранники, а мы успокоим всех. Да и так ли еще: сколь многие из этих избранников, из могучих, которые могли бы стать избранниками, устали наконец, ожидая тебя, и понесли и еще понесут силы духа своего и жар сердца своего на иную ниву и кончат тем, что на тебя же и воздвигнут *свободное* знамя свое. Но ты сам воздвиг это знамя. У нас же все будут счастливы и не будут более ни бунтовать, ни истреблять друг друга, как в свободе твоей, повсеместно. О, мы убедим их, что они тогда только и станут свободными, когда откажутся от свободы своей для нас и нам покорятся. И что же, правы мы будем или солжем? Они сами убедятся, что правы, ибо вспомнят, до каких ужасов рабства и смятения доводила их свобода твоя. Свобода, свободный ум и наука заведут их в такие дебри и поставят пред такими чудами и неразрешимыми тайнами, что одни из них, непокорные и свирепые, истребят себя самих, другие, непокорные, но малосильные, истребят друг друга, а третьи, оставшиеся, слабосильные и несчастные, приползут к ногам нашим и возопиют к нам: „Да, вы были правы, вы одни владели тайной его, и мы возвращаемся к вам, спасите нас от себя самих“. Получая от нас хлеба, конечно, они ясно будут видеть, что мы их же хлеба, их же руками добытые, берем у них, чтобы им же раздать, безо всякого чуда, увидят, что не обратили мы камней в хлеба, но воистину более, чем самому хлебу, рады они будут тому, что получают его из рук наших! Ибо слишком будут помнить, что прежде, без нас, самые хлеба, добытые ими, обращались в руках их лишь в камни, а когда они воротились к нам, то самые камни обратились в руках их в хлеба. Слишком, слишком оценят они, что значит раз навсегда подчиниться! И пока

люди не поймут сего, они будут несчастны. Кто более всего способствовал этому непониманию, скажи? Кто раздробил стадо и рассыпал его по путям неведомым? Но стадо вновь соберется и вновь покорится, и уже раз навсегда. Тогда мы дадим им тихое, смиренное счастье, счастье слабосильных существ, какими они и созданы. О, мы убедим их наконец не гордиться, ибо ты вознес их и тем научил гордиться; докажем им, что они слабосильны, что они только жалкие дети, но что детское счастье слаще всякого. Они станут робки и станут смотреть на нас и прижиматься к нам в страхе, как птенцы к наседке. Они будут дивиться и ужасаться на нас и гордиться тем, что мы так могучи и так умны, что могли усмирить такое буйное тысячемиллионное стадо. Они будут расслабленно трепетать гнева нашего, умы их оробеют, глаза их станут слезоточивы, как у детей и женщин, но столь же легко будут переходить они по нашему мановению к веселью и к смеху, светлой радости и счастливой детской песенке. Да, мы заставим их работать, но в свободные от труда часы мы устроим им жизнь как детскую игру, с детскими песнями, хором, с невинными плясками. О, мы разрешим им и грех, они слабы и бессильны, и они будут любить нас как дети за то, что мы им позволим грешить. Мы скажем им, что всякий грех будет искуплен, если сделан будет с нашего позволения; позволяем же им грешить потому, что их любим, наказание же за эти грехи, так и быть, возьмем на себя. И возьмем на себя, а нас они будут обожать как благодетелей, понесших на себе их грехи пред богом. И не будет у них никаких от нас тайн. Мы будем позволять или запрещать им жить с их женами и любовницами, иметь или не иметь детей — всё судя по их послушанию — и они будут нам покоряться с весельем и радостью. Самые мучительные тайны их совести — всё, всё понесут они нам, и мы всё разрешим, и они поверят решению нашему с радостью, потому что оно избавит их от великой заботы и страшных теперешних мук решения личного и свободного. И все будут счастливы, все миллионы существ, кроме сотни тысяч управляющих ими. Ибо лишь мы, мы, хранящие тайну, только мы будем несчастны. Будет тысячи миллионов счастливых младенцев и сто тысяч страдальцев, взявших на себя проклятие познания добра и зла. Тихо умрут они, тихо угаснут во имя твое и за гробом обрящут лишь смерть. Но мы сохраним секрет и для их же счастья будем манить их наградой небесною и вечною. Ибо если б и было что на том свете, то уж, конечно, не для таких, как они. Говорят и пророчествуют, что ты придешь и вновь победишь, придешь со своими избранниками, со своими гордыми и могучими, но мы скажем, что они спасли лишь самих себя, а мы спасли всех. Говорят, что опозорена будет блудница, сидящая на звере и держащая в руках своих *тайну*, что взбунтуются вновь малосильные, что разорвут порфиру ее и обнажат ее „гадкое“ тело. Но я тогда встану и укажу тебе на тысячи миллионов счастливых младенцев, не знавших греха. И мы, взявшие грехи их для счастья их на себя, мы станем пред тобой и скажем: „Суди нас, если можешь и смеешь“. Знай, что я не боюсь тебя. Знай, что и я был в пустыне, что и я питался акридами и кореньями, что и я благословлял свободу, которою ты благословил людей, и я готовился стать в число избранников твоих, в число могучих и сильных с жаждой „восполнить число“. Но я очнулся и не захотел служить безумию. Я воротился и примкнул к сонму тех, которые *исправили подвиг твой*. Я ушел от гордых и воротился к смиренным для счастья этих смиренных. То, что я говорю тебе, сбудется, и царство наше созиждется. Повторяю тебе, завтра же ты увидишь это послушное стадо, которое по первому мановению моему бросится подгрести горячие угли к костру твоему, на котором сожгу тебя за то, что пришел нам мешать. Ибо если был кто всех более заслужил наш костер, то это ты. Завтра сожгу тебя. Dixi»⁶.

Задание 2. Контрольный тест

1. Первые представления о философии на Руси сложились после...

а) составления «Русской правды»;	в) принятия христианства;
б) возвышения Московского государства;	г) монголо-татарского ига.

2. Первым древнерусским философом, написавшим «Слово о законе и благодати» принято считать...
- а) Нестора; в) Киевского митрополита
Иллариона;
б) Владимира Мономаха; г) Нила Сорского.
3. На формирование «предфилософии» в России повлияли... **(не менее 2 правильных ответов)**
- а) утверждение идеологемы «Москва – третий Рим»;
б) развитие русского вольтеррианства;
в) нестяжательство;
г) появление западничества и славянофильства;
д) раскол русской православной церкви.
4. Появление первых оригинальных философских текстов на Руси относят к...
- а) XI-XII вв.; в) XX веку;
б) VI в. до н.э.; г) XIX веку.
5. Кому из русских философов принадлежит знаменитое изречение: «Два Рима пали, а третий стоит, четвертому же не бывать»:
- а) Иллариону; в) Максиму Греку;
б) Нилу Сорскому; г) Филофею.
6. Появление светского типа философствования в России происходит в...
- а) XX в.; в) XVI в.;
б) XVIII в.; г) XIV в.
7. Начало материалистической традиции в русской философии положил...
- а) Десницкий С.Е.; в) Сковорода Г.С.;
б) Ломоносов М.В.; г) Трубецкой Н.С.
8. Одним из ярчайших представителей русского Просвещения является...
- а) А.Н.Радищев; в) В.Мономах;
б) И.Ильин; г) И.В.Киреевский.
9. Начало спору между славянофилами и западниками положила публикация «Философических писем»...
- а) П. Я. Чаадаева; в) А.С. Хомякова;
б) А.Н. Радищева; г) А.С. Пушкина.
10. Идеиное течение, утверждающее неизбежность развития России по пути западной цивилизации:
- а) западничество; в) либерализм;
б) славянофильство; г) народничество.
11. Идея соборности в русской философии была впервые сформулирована:
- а) Хомяковым А. С.; в) Илларионом;
б) Соловьевым Вл.; г) Герценом А.
12. В противоположность западному индивидуализму славянофилы как основу самобытности Российской цивилизации связывали с...
- а) коллективизмом; в) соборностью;
б) патриотизмом; г) патриархальностью.
13. Русский философ Хомяков А. С. был представителем:
- а) западничества; в) космизма;
б) философии Всеединства; г) славянофильства.

25. «Проблема человека есть основная проблема философии», - утверждал:
а) Фалес; в) Декарт;
б) Августин; г) Бердяев Н. А.
26. Автором произведения «Судьба России» является...
а) П.Я. Чаадаев; в) П.Л. Лавров;
б) В.С. Соловьев; г) Н.А. Бердяев.
27. Виднейшим представителем русского религиозного экзистенциализма является философ...
а) Н.А. Бердяев; в) А.С. Хомяков;
б) В.С. Соловьев; г) Н.Ф. Федоров.
28. Известное выражение «Красота спасет мир» принадлежит...
а) Тютчеву Ф.И.; в) Толстому Л.Н.;
б) Заболоцкому Н.А.; г) Достоевскому Ф.М.
29. Этическая позиция Л.Н. Толстого может быть охарактеризована как этика...
а) ненасилия; в) сопротивления злу силой;
б) меньшего зла; г) пользы.
30. Концепция «непротивления злу насилием» является важнейшей частью философских воззрений...
а) Л. Н. Толстого; в) И. А. Ильина;
б) К. Маркса; г) Ф. Ницше.
31. Представителями материалистического направления в русской философии являются...
а) Г.В.Плеханов; в) П.А.Флоренский; д) Н.А.Бердяев;
б) В.С.Соловьев; г) М.А.Бакунин; г) Д.И. Писарев.
32. Одним из первых представителей марксизма в русской философии является:
а) Чернышевский Н. Г.; в) Герцен А. И.;
б) Белинский В. Г.; г) Плеханов Г. В.
33. Представителем марксизма в русской философии является...
а) Флоренский П.А. в) Чижевский А.Л.;
б) Федоров Н.Ф.; г) Плеханов Г.В.
34. Представителем антропологического материализма в русской философии является:
а) В. С. Соловьев; в) М. В. Ломоносов;
б) П. А. Флоренский; г) Н. Г. Чернышевский.
35. Одним из первых проповедников утопического социализма в России был...
а) Ткачев П.Н.; в) Лавров П.Л.;
б) Герцен А.И.; г) Слепцов А.А.
36. «Жить в обществе и быть свободным от общества нельзя», - писал:
а) Сократ; в) Ленин В. И.
б) Цицерон; г) Деррида Ж.
37. Историю творят народные массы, частью которых являются выдающиеся личности, доказывал:
а) Ленин В. И.; в) Платон;
б) Марк Аврелий; г) Вебер М.
38. К представителям русской религиозной философии XX века относятся...
а) Л. П. Карсавин; в) П.В. Копнин; д) С.Н. Булгаков;
б) С.Л. Франк; г) Э.В. Ильенков; е) Н.А. Бердяев.

Задание 3. Творческое задание. Напишите эссе.

3.1. Н. Бердяев писал: «Я не верю в твердость и прочность только объективного мира, мира природы и истории. Объективной реальности не существует, это лишь иллюзия сознания».

Прокомментируйте данное высказывание. Назовите онтологическую позицию Н. Бердяева. Каким онтологическим установкам она противоречит?

3.2. По словам русского мыслителя А. И. Герцена, ученому «...надобно отречься от себя, чтобы сделаться сосудом истины, забыть себя, чтобы не стеснять её собою». Согласны ли Вы с этим высказыванием?

3.3. «Человек несчастлив потому, что не знает, что он счастлив; только потому...кто узнает, тотчас станет счастлив». Ф. М. Достоевский На какие характеристики смысла жизни человека указывает Достоевский?

3.4. «Бытие есть остывшая свобода, уже обработанная понятием мысли, она есть уже объективация». (Н. Бердяев)

Идеи какого философского направления лежат в основе данного понимания бытия? Аргументируйте свой ответ.